

На правах рукописи

ПАШТОВА Мадина Михайловна

**ФОЛЬКЛОР ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ:
ЛОКАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИИ,
ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ТЕКСТОВ**

Специальность
10.01.09 - Фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Майкоп 2021

Работа выполнена в отделе этнологии и народного искусства
ГБУ РА «Адыгейский республиканский институт гуманитарных
исследований им. Т.М. Керашева»

Научный консультант: Унарокова Раиса Батмирзовна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории и культуры адыгов, руководитель Центра адыговедения НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета

Официальные оппоненты:

Сокаева Диана Вайнеровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора и литературы Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный центр РАН»

Дранникова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова

Юша Жанна Монгеевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири ФГБУН «Институт филологии Сибирского отделения РАН»

Ведущая организация: ФГБУН Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

Защита диссертации состоится ..... на заседании диссертационного совета Д 002.209.04 на базе ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук» по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН и на официальном сайте института: <http://imli.ru/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04-o/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04/4872-fol-klor-cherkesskoj-diaspory-lokalizatsiya-traditsii-funksional-nost-tekstov>

Автореферат разослан _« ____ » _____ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Говенько Татьяна Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Черкесская (адыгская) диаспора, составляющая по разным оценкам 80–90% от общей численности этноса, в основном рассредоточена в Турции, странах Ближнего Востока, Европе и Америке. Она сформировалась вследствие окончания Кавказской войны и массового выселения черкесов в Османскую империю в середине XIX в. (*ИстамбылакӀуэ*¹), и на сегодняшний день представляет собой структурированное сообщество с выраженной этнокультурной самоидентификацией. В представленной работе исследуются фольклор и локальные особенности традиционной культуры черкесов одного из наиболее многочисленных диаспорных анклавов Турции – Узун-Яйла² близ г. Кайсери. Здесь компактно располагается 71 селение нескольких этнических групп (45 кабардинских, 15 хатукаевских, 2 абадзехских, а также 9 селений кабардиноязычных абазин).

Выбор для исследования именно этого анклава объясняется тем, что здесь, на довольно обширной территории, черкесы проживали компактно в течение длительного периода, преимущественно моноэтническим составом, что способствовало наибольшей сохранности родного языка и фольклора.

В народной устно-речевой традиции черкесов Турции район Узун-Яйла осознанно обозначается как особый очаг черкесской (адыгской) культуры. Для его научного описания мы используем одноименные термины (*Узун-Яйла, узун-яйлинский, узуняйлинцы*), связывая с ними особые социально-исторические условия формирования локальной фольклорной традиции, культурные смыслы и ассоциации, хранящиеся в коллективной памяти.

Актуальность темы исследования. Регионы компактного проживания черкесов (адыгов) за рубежом (Турция, страны Ближнего Востока) – уникальное по своим условиям фольклорное поле. Ввиду запрета на преподавание черкесского языка в школах Османской империи, а затем и Турции, отсутствия официальных каналов коммуникации, профессионально-сценической культуры здесь наблюдается особая функциональность различных форм фольклора, специфические механизмы сохранения этнической памяти.

Жанровый состав фольклора черкесской диаспоры охватывает широкий спектр: трудовые и обрядовые песни, тексты нартского эпоса, мифологические рассказы, исторические предания, героические песни-плачи, героические и любовные песни-сетования, обрядовая и необрядовая поэзия, сказки (волшебные, бытовые, небылицы), детский (материнский) фольклор,

---

¹ *ИстамбылакӀуэ* (Истамбыляко; букв. «Стамбульский исход») – термин, устоявшийся в черкесской (адыгской) устной традиции, общественно-политическом и художественном дискурсах, в историографии; важный элемент диаспорной (и шире – этнической) идентичности.

² **Узун-Яйла** (с ударением на последний слог) – тюркоязычный географический термин (от *Uzun* – «длинное», *yayla* – «плато»), который изначально употреблялся как топоним, обозначающий большое плато в Центральной Анатолии, расположенное на высоте 1500 м над уровнем моря, за более чем полуторавековой период проживания здесь черкесов стал в восприятии диаспоры термином культурно-ландшафтным.

мемораты, фабулаты, анекдоты, фольклор речевых ситуаций (в том числе благопожелания и проклятья, дразнилки и прозвища, пословицы и поговорки, а также стереотипные нарративы, разъясняющие их значение) и др. Сюжетно-репертуарная карта фольклора черкесской диаспоры представляет собой большой архипелаг локальных традиций. Так, наиболее значимыми очагами черкесской культуры в Турции можно считать анклав Узун-Яйла (Кайсери), Сивас-Гёксун, Дюздже, Токат, Бига-Чанаккале, Рейханлы и др. Исследование культурно-ландшафтных параметров этого фольклорного поля, качественных характеристик, связей с общей информационно-коммуникативной средой государств региона остается одной из перспективных задач отечественной кавказоведческой науки и различных научных направлений стран проживания черкесов.

Фольклор черкесской диаспоры, как, впрочем, и черкесов (адыгов) метрополии, в аспекте выявления регионально-локальных границ и культурных особенностей до настоящего времени остается совершенно неисследованной областью отечественной фольклористики.

Первые полевые исследования отечественными учеными-кавказоведами традиционной культуры зарубежных черкесов, и, в частности, записи образцов фольклора начали осуществляться лишь с начала 1990-х гг. и носили общий, разведывательный характер. В результате дальнейших экспедиций в архивы научно-исследовательских институтов и университетов трех республик (Кабардино-Балкарии, Республики Адыгея, Карачаево-Черкесии) поступил значительный по объему фольклорно-этнографический материал, опубликованы научные и научно-публицистические статьи, полевые заметки, сборники фольклорных текстов, созданы электронные базы данных. Однако до настоящего времени фольклор черкесской диаспоры системно, монографически не исследован. Данная диссертационная работа является первой попыткой комплексного научного осмысления и анализа полевых материалов, собранных в среде черкесской диаспоры Турции, в аспекте локалистики и регионоведения, а также функциональности фольклора в контексте социальной коммуникации. В этом состоит актуальность темы исследования.

Объект исследования – вербальные и невербальные тексты, зафиксированные в анклав Узун-Яйла и других местах компактного проживания черкесов в диаспоре. Исследуемые материалы представляют собой различные жанры, от мифологии и классического фольклора до текстов, функционирующих на границе фольклора и языка, как явления фольклорно-речевой практики: мифологические нарративы, героические песни и предания, необрядовая лирика, мемораты, фабулаты, паремии, изречения, диалоги, реплики и «разовые» высказывания, соотнесенные с контекстом традиции.

В ходе работы над диссертацией нами был собран достаточно объемный полевой материал, представляющий собой записи от 157 информантов, составляющий более 250 часов видео- и аудиозаписей.

Фольклорные тексты, зафиксированные в узун-яйлинском поле, охватывают, за небольшим исключением, все жанры фольклора, которые, согласно существующим архивным и исследовательским данным, зафиксированы на исторической территории (в метрополии). В соответствии с основной целью работы (исследование функциональности фольклора в условиях диаспорного анклава) нам пришлось ограничить объект исследования несколькими корпусами текстов. Сюда входят мифо-эпические жанры, фольклор гостиного дома, устные тексты, связанные с игровой культурой, а также диалоги информанта и собирателя, так как их изучение позволяет наиболее отчетливо выявить, в первую очередь, взаимосвязь локального текста и материнской традиции, а также взаимообусловленность устной традиции и социального контекста.

Предмет исследования – регионально-локальные особенности и коммуникативная функциональность фольклорных текстов бесписьменной локальной традиции, а также текстов, лежащих в основе этнической, локально-культурной идентичности носителя диаспорной традиции; его повседневное речевое поведение, коммуникативные ситуации, в которых порождаются (транслируются) тексты фольклора.

Цель работы состоит в том, чтобы показать, каким образом сохраняются и воспроизводятся тексты (жанры) фольклорной культуры в контексте отдельно взятой локальной традиции (Узун-Яйла), развивавшейся, с одной стороны, в отрыве от исторической территории, с другой стороны – изолированно от влияния инокультурного окружения в течение определенного исторического периода. При этом внимание акцентируется не только на описании жанров местного фольклора, но и на выявлении того, каким образом: **а)** стереотипные устные тексты и связанные с ними вернакулярные практики структурируют дискурсы разных форм идентичности (локально-культурной, этнокультурной, региональной, социальной (сословной) и др.); **б)** фольклорный дискурс взаимодействует с другими составляющими культурной жизни диаспоры и влияет на современную общественно-бытовую ситуацию.

Данная цель предполагает решение следующих **задач**:

- выявить культурно-ландшафтные границы исследуемого анклава (Узун-Яйла), определить основные дистинктивные (отличительные) признаки местной фольклорной традиции;
- выявить на материале текстов фольклора (фольклорно-речевой деятельности) основные структурные элементы разных видов (уровней) идентичности носителя исследуемой локальной традиции (этнокультурной идентичности, локальной, социально-гендерной, речеповеденческой);
- определить основные корпусы текстов классического фольклора, сопоставить их с материнской традицией в плане структуры текста, контекста и функциональности;
- рассмотреть мифологические представления в их сравнительном сопоставлении с текстами метрополии, исследовать мифо-эпическую

традицию как систему знаков, персонажей (их функций), локусов и пр., выявить коммуникативные ситуации, в которых происходит стереотипное воспроизведение текстов традиции; дать анализ прагматических функций мифологических рассказов; показать значение таковых в культурном освоении нового географического ландшафта, трансформацию функциональности персонажей в контексте новых исторических условий;

- проанализировать институт черкесского гостиного дома как пространства функционирования текстов классического фольклора (песен и преданий, «привезенных с родины»), поддержания исторической памяти, этнической и классовой идентичности, трансляции важных социальных компетенций, как инструмента решения внутренних задач местной общины;

- рассмотреть особенности функционирования игровых институтов в культуре исследуемого анклава: выявить универсальные и локальные особенности бытования текстов о джегуако³ в исследуемой фольклорной традиции; дифференцировать основные разновидности джегуаковских специальностей, функционирующих в фольклорном поле Узун-Яйлы; показать основные жанрово-стилистические особенности творчества народных поэтов;

- выявить этнокультурную специфику межличностной и межгрупповой коммуникации в ходе полевой работы в черкесских диаспорных сообществах;

- исследовать тексты узун-яйлинской локальной традиции в языковом аспекте: дифференцировать основные блоки лексико-фразеологического материала, показать соотношение исконной и заимствованной лексики и фразеологии в фольклорном тексте; актуализировать соотношение фольклорно-речевых форм метрополии и фольклорного диалекта Узун-Яйлы на уровне фонетики, лексики и фразеологии;

- показать актуальность лексикографического исследования текстов как одного из способов адекватного описания локальной фольклорной традиции; выявить теоретические и практические методы структурирования словаря узун-яйлинского локального текста как: а) одного из инструментов научно-схематического описания дистинктивных признаков местной устной традиции и б) эмпирического лексикографического материала для пополнения базы различного типа словарей (фольклорно-диалектных, этнодиалектных, словарей одного информанта, а также языковых нормативных словарей и др.).

Термины. Используемые в исследовании термины содержат не только основные категории и понятия отечественной фольклористики, но также призваны отображать специфические особенности объекта исследования. В связи с тем, что в данной работе фольклор черкесской диаспоры в заявленных аспектах исследуется впервые, возникает необходимость в

---

³ Джегуако (от *джэгу* – «игра») – народные поэты и импровизаторы, инструменталисты, распорядители на танцевальных играх, хранители преданий и песен.

употреблении некоторых специальных терминов и понятий, часть которых также вводится впервые и требует пояснения.

Локальная фольклорная (культурная) традиция, локальный текст, узун-яйлинский текст, узун-яйлинский нарратив. Российские и зарубежные исследователи выделяют ряд аспектов теоретической проблемы локальности, в частности, «память места», *sense of place* (эстетическое и моральное «чувство места»), а также обращают внимание на важные дистинктивные признаки локальной традиции. Среди них: историко-культурная память (история заселения анклава), границы ареала (географические, фольклорно-репертуарные, культурно-языковые), особенности ритуальных практик, особенности функционирования ономастикона, способы самоописания традиции (самоидентификация носителей), типы хозяйственной деятельности и др. Определяя этими и другими аналогичными признаками границы исследуемой нами локальной общности, мы основываемся также на том, что носителями диаспорной традиции – как самими узуняйлинцами или остальными жителями Центральной Анатолии, так и черкесами других регионов Турции – отчетливо осознается существование особого местного субварианта этнической культуры. Полифункциональные элементы текстов традиции, стереотипно воспроизводящие эту «особость», структурируют свое семантическое поле. По аналогии с устоявшимися в отечественной науке терминологическими сочетаниями, обозначающими «региональные и локальные тексты» («московский текст», «петербургский текст», «текст провинции», «карогопольский текст» и т.п.), мы употребляем сочетания «узун-яйлинский текст», «узун-яйлинский нарратив» в научно-описательном, схематическом значении.

Метрополия. Поскольку единого, численно преобладающего над диаспорой государственного образования на исторической родине нет, термин *метрополия* употребляется нами условно. Республики Северного Кавказа с черкесским (адыгским) населением (Кабардино-Балкария, Адыгея, Карачаево-Черкесия), несмотря на меньшую по сравнению с зарубежной диаспорой численность, являются, безусловно, по отношению к ней культурной, научной, образовательной метрополией. В этом же ключе необходимо понимать употребляемые нами терминологические сочетания *материнская и/или островная традиция (культура)*.

Использование в диссертации терминов **черкес(ский), адыг(ский), Кавказ(ский)** обусловлено принятыми в отечественной науке значениями: экзоэтноним / эндоэтноним / географическое название региона. В то время как в научно-информационном поле Турции термины *черкесский* и *кавказский* все еще могут пониматься как синонимы, в отечественной кавказоведческой гуманитарной науке как синонимы употребляются экзоэтноним и эндоэтноним – термины *черкес(ский)* и *адыг(ский)*.

Рефлексив (фольклорный) – мы вводим этот термин для обозначения краткого нарративного текста, высказывания, выражающего наблюдения

носителя традиции, основанные на личном опыте и осознанно связываемые им самим с контекстом народной культуры; рефлексив характерен для корпуса текстов самоописания традиции, является формой выражения разного рода объяснительных моделей для тех или иных социальных ситуаций – от фольклорно-исторических сюжетов до фактов современной общественно-бытовой жизни.

Значение *специфических местных народных терминов*, введенных нами и используемых метаязыком диссертации, их научных аналогов, устоявшихся в адыгovedческой фольклористике, разъясняется в разделах диссертации, где рассматриваются соответствующие культурные формы.

Источниковая база исследования. Источники исследования состоят из сведений, собранных нами в ходе полевой работы в анклав Узун-Яйла в 2009-2019 гг.⁴ Это аудио- и видеозаписи неформализованных бесед-интервью, в которых зафиксированы развернутые, художественно-завершенные разножанровые тексты повествовательного и поэтического фольклора, а также тексты фольклорно-речевых жанров; нарративные описания и толкования обрядовых сценариев и ритуалов, событий из жизни общины, норм традиционного быта, морально-правового кодекса – *адыгэ хабзэ* и традиционной этики – *адыгагъэ*.

К исследованию также привлечены архивные материалы АРИГИ, КБИГИ и КЧИГИ⁵, сборники фольклорных текстов и аналитические труды отечественных исследователей, фольклорные тексты, зафиксированные собирателями-любителями из среды черкесов Турции, тексты самоописания традиции, интернет-тексты (публикации и комментарии). В качестве сравнительных материалов использовались данные, полученные нами в ходе полевых исследований в других черкесских анклавах Северного Кавказа и Турции в 1989–2019 гг. Привлечение к исследованию указанных источников сделало возможным сопоставление диаспорных версий с аналогами, зафиксированными на исторической территории, а также позволило в целом расширить исследовательское поле, ввести в научный оборот множество единиц фольклорных текстов и терминов.

Теоретико-методологические основы и методика исследования. Теоретико-методологической основой диссертационной работы являются академическое знание и опыт (в частности, понимание природы устной традиции, места науки о фольклоре в системе гуманитарного знания), заложенные в трудах отечественных ученых Б.Н. Путилова, Е.М. Мелетинского, К.В. Чистова, С.Ю. Неклюдова, А.К. Байбурина, А.Л. Топоркова. Мы опираемся также на академический опыт Е.Е. Левкиевской,

---

⁴ Полевые записи хранятся в нашем личном архиве (аудио- и видео записи, полевые дневники, фотодокументы); в архиве Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева (АРИГИ): аудиозаписи интервью и любительские записи фольклора, предоставленные нам на хранение (музыкальный фонд, USB-флеш-накопитель под инвентарным номером 589).

⁵ КБИГИ – Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, КЧИГИ – Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований.

Л.Н. Виноградовой, С.Б. Адоньевой, Н.В. Дранниковой, О.Б. Христофоровой, М.Л. Лурье, В.Л. Кляуса, А.Б. Мороза, Н.В. Петрова, И.А. Морозова, А.Н. Власова, Т.С. Каневой и других ученых, связанный с методологией исследования универсального и локального в традиционной культуре, функциональностью текстов фольклора в регионально-локальном аспекте. В основе нашего исследования лежат также знания и опыт, накопленные отечественным кавказоведением, в частности, в трудах А.И. Алиевой, Б.Х. Бгажнокова, Я.В. Чеснова, А.М. Гутова, Р.Б. Унароковой, З.М. Налоева, М.И. Мижаева, З.Ж. Кудаевой. Вслед за известным американским исследователем К. Гирцем, основоположником метода «насыщенного (плотного) описания», мы излагаем прочтение символических форм и явлений фольклорной культуры в интерпретации ее носителя, его словами и представлениями, в категориях, понятиях и терминах исследуемой традиции. Этим обусловлено наше внимание к текстам, функционирующим на границе фольклора и языка, в их связи с социальной (коммуникативной) ситуацией.

Методы исследования. *Методы сбора полевого материала:* неформализованная беседа-интервью, включенное наблюдение, опрос через Интернет. Способы фиксации: аудио- и видеозаписи, рукописные записи в экспедиционном дневнике, заметки на электронных носителях.

Мы ввели новый метод сбора полевого материала, который основывается на мнемоническом погружении информанта через использование звукового триггера: специально организованная на сеансе полевой записи живая музыка, сопровождаемая вопросами собирателя, активизирует информанта, способствует извлечению искомой информации из пассивной памяти. Наряду со звуковым мы также начали использовать в полевой практике визуальный триггер (предложение информанту комментировать фотографии и видеозаписи, другой визуальный материал).

Методы аналитической обработки материалов: сравнительно-типологический метод, установившийся в работах В.М. Жирмунского⁶, Б.Н. Путилова⁷, Е.М. Мелетинского⁸; структурно-семиотический метод, обоснованный Е.М. Мелетинским⁹, С.Ю. Неклюдовым¹⁰; прагматический анализ в сочетании с дискурсивным методом¹¹. Понимание под фольклором

---

⁶ Жирмунский, В.М. Сравнительно-историческое изучение фольклора // Жирмунский, В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1979. – С. 185-191.

⁷ Путилов, Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора / Б.Н. Путилов. – Л.: Наука, 1976. – 244 с.

⁸ Мелетинский, Е.М. Сравнительная типология фольклора: историческая и структурная / Е.М. Мелетинский // Philologica. Памяти акад. В.М. Жирмунского. – Л.: Наука, 1973. – С. 385-393.

⁹ Мелетинский, Е.М. К вопросу о применении структурно-семиотического метода в фольклористике / Е.М. Мелетинский // Семиотика и художественное творчество. – М.: Наука, 1977. – С. 152-170.

¹⁰ Неклюдов, С.Ю. Российская фольклористика и структурно-семиотические исследования / С.Ю. Неклюдов // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. материалов науч.-практ. конф. – М.: ГРЦРФ, 1999. – Вып. 3. – С. 54-62.

¹¹ См. об этом: Адоньева, С.Б. Прагматика фольклора / С.Б. Адоньева. – 2-е изд. – СПб.: Пальмира; М.: Книга по требованию, 2018. – 335 с.; Левкиевская, Е.Е. Восточнославянский

не только текстов классического фольклора (нарративов, песен, устных стихов и т.д.), но и стереотипных высказываний, включенных в местную фольклорно-речевую практику и связанных с общим контекстом культуры, позволило значительно расширить поле исследования и показать, каким образом устная традиция может влиять на социальную ситуацию в локальном диаспорном сообществе.

При наличии значительного объема зафиксированных в диаспорном поле текстов разных жанров перед нами встал вопрос методологии отбора материала. Метод корпусного анализа оказался при этом весьма продуктивным¹².

При использовании комплексного подхода к материалу (на стыке фольклористики и смежных наук) основным явился принцип локальной/региональной принадлежности.

Степень изученности проблемы. Фольклористическое адыговедение разработало ряд важных теоретико-методологических направлений, в том числе почерпнутые в используемых в диссертации работах по исторической поэтике, сравнительно-типологическим исследованиям, структурно-семиотическому анализу, эдиционным принципам. Публикуя фольклорные тексты различных традиций, исследователи обращают внимание на локальность (местность, оригинальность) изучаемых ими явлений народной культуры. Однако региональная фольклористика еще не актуализировала научное направление, основанное на теории локальности. До настоящего времени не существует также монографических исследований, посвященных фольклору черкесской диаспоры. Данная диссертационная работа является попыткой восполнить эти пробелы.

Научная новизна исследования заключается в том, что на основе теоретико-методологических принципов, обоснованных отечественной локалистикой и предложенных самим диссертантом, впервые исследован фольклор отдельно взятой черкесской анклавной традиции. Так, в рамках избранного направления исследований впервые определены параметры и критерии выявления дистинктивных признаков фольклорной традиции одного из черкесских диаспорных анклавов Турции, а также структурные

мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.03 / Левкиевская Елена Евгеньевна. – М., 2007. – 624 с.; Христофорова, О.Б. Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.09 / Христофорова Ольга Борисовна. – М., 2010. – 294 с.; Христофорова, О.Б. Икота: мифологический персонаж в локальной традиции / О.Б. Христофорова. – М.: РГГУ, 2013. – 304 с.

¹² О корпусных методах в фольклористике см.: Методы и концепции в фольклористике и культурной антропологии (конец XX – начало XXI века): материалы XVI Междунар. школы-конференции по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии / Сост.: А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов, Д.С. Николаев, Н.Н. Рычкова. – М.: РГГУ, 2016. – С. 35-49; Николаев, Д.С. Создание электронного корпуса фольклорных текстов на русском языке / Д.С. Николаев // Материалы V социологической Грушинской конференции. – URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2015/s2_6/Nikolaev.pdf (дата обращения 17.02.2017); Петрова, Н.С. Мифологические модели в неподцензурных текстах о советской власти 1917-1953 гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / Петрова Наталья Сергеевна. – М., 2017. – С. 153-157.

элементы локальной идентичности носителей этой традиции. В результате комплексного исследования выявлена функциональность фольклорных текстов в их связи с коммуникативной ситуацией.

В контексте отношений информант/собираетель материал черкесской диаспоры Турции (Узун-Яйла) проливает свет на решение ряда важных проблем адыгovedения в целом и полевой фольклористики и антропологии в частности.

В научный оборот введен обширный фактический материал, состоящий из малоизвестных и новых текстов, обнаруженных в поле и архивах. Впервые в фольклористическом адыгovedении апробирован метод составления словаря локального текста. Предпринятые полевые исследования являются также первой попыткой сопоставления устной традиции черкесов Анатолии и фольклора их исторической родины. В частности, в диссертации рассматривается ряд локальных особенностей бытования мифологических текстов, зафиксированных в анклавe Узун-Яйла, и выявляются условия их формирования – ландшафтные, исторические и др. Также впервые на материале локального фольклора выявляется характер внутриобщинных социальных связей (межсословных, межклассовых).

На основе наших полевых разысканий впервые в стране изучаемого анклава опубликованы аутентичные фольклорные тексты на языке оригинала с учетом академических эдиционных принципов, принятых в российской науке, с соблюдением правил отражения на письме фонетико-морфологических и лексико-фразеологических особенностей местного идиома.

Теоретическая значимость работы. В диссертации подробно исследованы локальные формы и функциональные особенности фольклора отдельно взятой локальной традиции в черкесской диаспоре Турции (Узун-Яйла); предложена методология выявления структур локально-культурной идентичности носителя диаспорной традиции; проанализированы повседневное поведение носителя традиции и коммуникативные ситуации, в которых порождаются (транслируются) тексты фольклора.

Теоретические выводы работы, выполненной на локальном материале черкесов Турции, будут полезны для исследования других черкесских анклавов, как в диаспоре, так и в метрополии. В научный оборот введены тексты, термины и понятия, собранные нами в ходе пяти фольклорно-этнографических экспедиций, а также в процессе включенного наблюдения в условиях проживания в среде изучаемого сообщества. Самостоятельную научную ценность имеет методологический опыт составления словаря локального текста.

Методы выявления дистинктивных признаков локальных культурных традиций, апробированные и описанные в работе, будут полезны для дальнейших исследований в области локалистики и регионоведения. Настоящее исследование, его методы и результаты будут также интересны научному сообществу в стране изучаемого анклава. Так, в результате

полевых исследований и изучения собранного материала в Анкаре издана первая книга в серии «Фольклор черкесов Анатолии: материалы полевых исследований»¹³ (на языке оригинала, с соблюдением академических энциклопедических принципов, разработанных отечественной наукой, с предисловием на черкесском, русском и турецком языках), а также переиздан на турецком языке энциклопедический труд по мифологии (в соавторстве с М.И. Мижаевым), дополненный материалами, собранными нами в Узун-Яйле¹⁴. В настоящее время к изданию готовится монографическая работа на турецком языке на основе материалов, записанных в изучаемой локальной традиции. Полученные в ходе исследования выводы представляют интерес для специалистов в области фольклористики, лингвистики и антропологии.

Практическая значимость работы. Исследование нашло практическое применение в сфере профессионального музыкально-хореографического искусства. Так, при нашем консультативном участии, на основе предоставленных полевых материалов Государственный академический ансамбль народного танца Республики Адыгея «Нальмэс» в 2017 г. осуществил новую постановку «Танец черкесов Анатолии», премьера которой имела значительный успех на сценических подмостках России, Европы, Турции, Израиля и других стран проживания кавказских диаспор.

На базе Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева при организационном участии автора была подготовлена и проведена международная конференция по теме «Регионально-локальные традиции и формы идентичности черкесов Кавказа и диаспоры» (Майкоп, 2017), на которой обсуждались актуальные проблемы отечественного регионоведения и локалистики. По материалам конференции был издан сборник научных статей¹⁵. В рамках IX Кайнарского фестиваля черкесской культуры при организационном участии автора была проведена международная конференция «Родина и диаспора: вчера, сегодня» (Турция, Кайсери, 2018).

Зафиксированный и опубликованный фольклорный, лингвистический (лексико-фразеологический), а также этнографический материал дополняет базы данных и предоставляет возможность для дальнейших исследований фольклорной культуры диаспоры и отдельных локальных традиций в метрополии.

Достоверность полученных результатов обеспечивается достаточным объемом привлеченного аутентичного фольклорного материала, функционирующего в пространстве узун-яйлинской локальной

---

¹³ Анэдолэ адыгэм я культурэ: Йуэрыуатэ зэхуэхьэсыжынымкІэ лэжьыгъэхэр (Anadoluda Çerkes Kültürü: Halkbilim Alan Araştırması Materyalleri) = Культура черкесов Анатолии: материалы полевых исследований / сост., предисл. и коммент. М.М. Паштовой. – Анкара, 2017. – 150 с.

¹⁴ Çerkes mitolojisi ansiklopedisi / M. Mijayev, M. Pashtova. – Ankara: Metropol, 2018. – 264 s. = М. Мижаев, М. Паштова. Энциклопедия черкесской мифологии. – Анкара: Метрополь, 2018. – 264 с.

¹⁵ Вестник науки АРИГИ (Спецвыпуск). Регионально-локальные традиции и формы идентичности черкесов Кавказа и диаспоры: материалы II Междунар. науч. конф. памяти М.И. Мижаева, г. Майкоп, АРИГИ, 17-19 мая 2017 г. / под ред. М.Н. Губжокова, М.М. Паштовой, Р.Б. Унароковой. – Майкоп: Изд-во АРИГИ, 2017. – № 12 (36). – 222 с.

традиции, а также использованием современных теоретико-методологических подходов и принципов отечественной и зарубежной фольклористики. Основные результаты и положения диссертационной работы апробированы на научных площадках международного, отечественного и регионального уровня.

Основные положения, выносимые на защиту:

- фольклор и, в целом, традиционная культура исследуемого диаспорного анклава (Узун-Яйла), просуществовавшего вне исторической территории, изолированно от инокультурного влияния достаточно длительный период, являет собой материал, который дает уникальную возможность продуктивного исследования основных дистинктивных признаков локальной фольклорной традиции, апробирования методологии выявления ее культурно-ландшафтных границ, структур локальной идентичности носителя традиции;

- фольклор черкесской диаспоры Турции, как и многих других диаспорных традиций, ограниченных в праве использования письменности, отличается наибольшей консервативностью, инклюзивностью. Для исследователей он является важным источником верификации многих научных фактов и суждений – как в фольклористике, так в и других смежных научных областях (лингвистике, этнологии, истории);

- корпус текстов классического фольклора локальной традиции Узун-Яйла обнаруживает типологически сходную с материнской традицией структуру и иерархию жанров, образов, функций персонажей, исторического ономастикона (антропонимикона и топонимикона);

- важная категория, отличающая сложившийся за полтора столетия изолированного существования анклава местный корпус фольклорных текстов – это повышенная социальная функциональность. Прагматические функции текстов диаспоры, помимо универсальных (социорегулятивной, когнитивной, адаптивной и др.) обладают выраженной этноидентификационной функцией: например, тексты мифа о первотворении, нарративные тексты цикла о Жабаги Казаноко, тексты младшего эпоса, тексты-толкования традиционных поведенческих моделей и др.;

- такая социальная институция, как элитный мужской клуб *хачеш* (гостиный дом), в диаспоре сохраняется и функционирует как место порождения и трансгенерационной передачи текстов классического фольклора, социально-гендерных навыков и компетенций не только в условиях традиционной сельской общины, но и в условиях города. Гостиный дом, перемещаясь в пространство офисов *хасэ* (черкесских общественных объединений), трансформируется и становится площадкой неформальной коммуникации, местом активизации общественно-бытового, политического дискурса и социальных практик, традиционного «сидения-говорения» (*уэришэр, зэхэс*) в его современных проявлениях;

- в силу особых социально-исторических причин в исследуемой локальной традиции присутствуют специфические проявления в

функционировании игровых институтов. В диаспоре остаются актуальными явления смеховой культуры, которые, согласно существующим в фольклористическом адыговедении наблюдениям¹⁶, уже отсутствуют в культурной традиции черкесов метрополии. В частности, отношение к некоторым видам профессиональной деятельности джегуако в социально-классовом контексте;

- фольклорный дискурс репрезентирует особое местное восприятие и понимание сословного аристократизма и так называемого «нового благородства», что обусловлено социально-историческими причинами, специфическими, характерными для изучаемого анклава внутриобщинными отношениями;

- нарративные описания явлений местной музыкально-игрищной культуры, обрядов и ритуалов в их связи с социальным контекстом представляют собой один из наиболее информативных источников выявления структурных отличий местной традиции от фольклорных традиций метрополии;

- межличностная и межгрупповая коммуникация в ходе полевой работы обладает выраженной этнокультурной спецификой, черты которой определяются этическими и этикетными требованиями кодекса *адыгэ хабзэ*;

- вместе с развитием социальных медиа и освоением кириллического письма узуняйлинцы активно осваивают литературное и медийное пространство метрополии. Осознание носителями фольклорного диалекта возможностей и перспектив сохранения аутентичных форм фольклора и особенностей местного идиома как в медиапространстве, так и в печатных изданиях происходит в том числе и благодаря деятельности профессиональных фольклористов и собирателей-любителей из среды самого анклава.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в докладах и обсуждались на российских и зарубежных научных форумах *международного уровня*: VIII Конгрессе этнологов и антропологов России (Оренбург, 2009); Втором международном конгрессе кавказоведов (Тбилиси, 2010); VII Международной научной конференции «Актуальные проблемы общей и адыгейской филологии», посвященной памяти проф. З.И. Керашевой (Майкоп, 2010); Международной конференции «Хабзэ и этническая перспектива адыгов» (Майкоп, 2010); VII Международной научной конференции «Проблемы общей и региональной ономастики» (Майкоп, 2010); региональной научной конференции «Творческое наследие Али Шогенцукова: теоретические аспекты изучения» (Нальчик, 2010); Международном симпозиуме «21. Yüzyıl'da Çerkesler: Sorunlar ve Olanaklar» («Черкесы в XXI веке: проблемы и перспективы») (Турция, Анкара, 2011); Международной научной конференции памяти Ш.Х. Хута «Актуальные проблемы адыгской фольклористики в XXI веке» (Майкоп, 2011); Международной научной конференции «Сказания о нартах –

---

¹⁶ Налоев, З.М. Институт джегуако / З.М. Налоев. – Нальчик: Тетраграф, 2011. – С. 13–69.

эпос единения и дружбы» (Нальчик, 2012); конференции в рамках VI Московского международного фестиваля визуальной антропологии «Камера-посредник» (Москва, 2012); Международной научной конференции «Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации: генезис и развитие» (Майкоп, 2012); Международной школе-конференции «Фольклористика и культурная антропология сегодня» (Москва – Переславль-Залесский, 2012); Шестой международной научной конференции «Российская гендерная история с “юга” на “запад”: прошлое определяет настоящее» (Нальчик, 2013); Международной школе-конференции «Визуальное и вербальное в народной культуре» (Москва – Переславль-Залесский, 2013); на круглом столе «Священные места абхазов и адыгов: традиции и современность» (Майкоп, 2013); Международной школе-конференции «Фольклор в поле и кабинете: знание информанта и интерпретация антрополога» (Москва – Переславль-Залесский, 2014); I Международной конференции памяти М.И. Мижаева «Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка» (Архыз, 2014); Международной научной конференции «Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации-5» (Майкоп, 2016); Международной научно-практической конференции «Героический эпос народов Кавказа» (Грозный, 2016); Международной научной конференции памяти Ш.Х. Хута «Адыгский фольклор: проблемы сохранения и исследования» (Майкоп, 2016); III Международной научной конференции, посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН «“Джангар” и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования» (Элиста, 2016); Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Аншба А.А. (Абхазия, Сухум, 2016); Круглом столе «Черкесский (адыгский) *шичепшин* и *тонкорри* – щипковый инструмент айнов, коренных жителей острова Хоккайдо (Япония)» (Майкоп, 2016); II Международной конференции памяти М.И. Мижаева «Регионально-локальные традиции и формы идентичности черкесов Кавказа и диаспоры» (Майкоп, 2017); Международной научной конференции «Становление и развитие младописьменных языков» (Майкоп, 2017); Международной конференции памяти А.М. Гадагатля (Майкоп, 2017); Круглом столе по проблемам науки, образования и связей с черкесской диаспорой «Gençlik Geleceğimizdir» («Молодежь – наше будущее») (Турция, Стамбул, 2017); Международной научной конференции «Концепт “Родина” в контексте гуманитарных исследований и социокультурной практики» (Майкоп, 2017); XII Конгрессе антропологов и этнологов России (Ижевск, 2017); Межрегиональной конференции с международным участием «Султан Хан-Гирей: взгляд из XXI века» (Майкоп, 2018); Международной конференции «Родина и диаспора: вчера, сегодня» (Турция, Кайсери, 2018); семинаре «Места памяти выходцев с Кавказа» (Турция, Измир, 2018); Научно-методологической конференции «Новые методы и технологии по сохранению и развитию национального языка в условиях глобализации»

(Майкоп, 2019); Втором международном конгрессе «По исследованиям турецко-российского академического мира» (Турция, Анкара, 2019); *регионального уровня*: Региональной научной конференции «Проблемы изучения и публикации материалов по фольклору и этнографии народов Юга России» (Нальчик, 2008); Всероссийской научно-методической конференции «Фольклор народов России» (Санкт-Петербург, 2014); Региональной научно-практической интернет-конференции «Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX вв.: направления и динамика интеграционных процессов» (Нальчик, 2015); Научно-практической конференции «Традиционная культура народов юга России: история, динамика, современное состояние» (Краснодар, 2016); Региональной конференции «Бзюкская битва: уроки истории» (Майкоп, 2016); Круглом столе «Этнофилософия адыгов: от мифа к логосу» (Майкоп, 2016); Круглом столе «Российско-адыгские отношения XIX в.» (Майкоп, 2016); Круглом столе «Современный исполнитель эпоса: артист или хранитель традиции?» (Нальчик, 2016); Всероссийской научной конференции «Кавказская филология: история и перспективы» (Нальчик, 2018).

По результатам исследования опубликованы: 1 монография; 1 сборник фольклорных текстов, записанных от одного информанта; 1 сборник материалов конференции по локалистике и регионоведению, подготовленной и проведенной с нашим участием; более 50 статей, 15 из которых размещены в изданиях, рекомендованных ВАК.

Диссертационная работа обсуждалась на расширенном заседании отдела этнологии и народного искусства и отдела фольклора Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, выявлена степень ее изученности; сформулированы цели и задачи, охарактеризованы источники и методы, определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, а также дана историко-этнографическая справка о регионе, в котором проводилось исследование.

В первой главе «Теоретические основания и перспективы описания локальных фольклорных традиций черкесской диаспоры» с использованием опыта, изложенного в работах ведущих специалистов в области локалистики и регионоведения¹⁷, в общих чертах дается анализ

---

¹⁷ Чистов, К.В. Народные традиции и фольклор: очерки теории / К.В. Чистов. – Л.: Наука, 1986. – С. 41; Путилов, Б.Н. Региональное/локальное начало в фольклоре // Путилов, Б.Н. Фольклор и

регионально-локальных и функциональных особенности фольклора черкесской диаспоры Турции, обосновываются перспективы подобного рода исследований.

На современном этапе развития фольклористики и антропологии, когда региональные и локальные исследования получили достаточно выраженный импульс, тезис о территориальной дифференцированности народной культуры и локальности форм ее проявления, заявленный такими авторитетными исследователями, как Б.Н. Путилов, К.В. Чистов, С.Ю. Неклюдов, не подвергается сомнению. Говоря о тенденции развития фольклористики в последние десятилетия, А.Л. Топорков отмечает, что при перенесении внимания исследователей на фиксацию разнообразных актуальных форм неизбежна утрата привычной «монолитности» этнокультурной традиции и представление ее «в виде множества локальных, региональных, субкультурных, половозрастных и иных вариантов»¹⁸.

Российские и зарубежные исследователи выделяют ряд аспектов (концептов) теоретической проблемы локальности: «локальный текст», «фольклорный (культурный) диалект», «региолект», «локальный компонент», «локальная специфичность», «локальный нарратив», «локальная

народная культура / Б.Н. Путилов. – СПб.: Наука, 1994. – С. 144–153; Неклюдов, С.Ю. Самобытность и универсальность в народной культуре (К постановке проблемы) / С.Ю. Неклюдов // Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л.О. Зайонц; сост. В.В. Абашев, А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 15–22; Неклюдов, С.Ю. Диалектность – региональность – универсальность в фольклоре / С.Ю. Неклюдов // Универсалии русской литературы. – Воронеж: Научная книга, 2012. – С. 8–38; Левкиевская, Е.Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.03 / Левкиевская Елена Евгеньевна. – М., 2007. – 624 с.; Valk, Ülo. Narratives of Belonging: Comparative Notes on Assamese Place-Lore // Folklore the Intangible Cultural Heritage of Saarc Region, 2009. – S. 38–50; Христофорова, О.Б. Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.09 / Христофорова Ольга Борисовна. – М., 2010. – 294 с.; Алексеевский, М. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) / М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье, А. Сенькина // Штетл, XXI век: Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – С. 179–208; Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / Сост. М. Д. Алексеевский, В. А. Комарова, Е. А. Литвин, А. Б. Мороз, Н. В. Петров; под общей редакцией А. Б. Мороза. – М.: ОГИ, 2009. – 616 с.; Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике – проблемы и перспективы: сб. ст. / отв. ред. М.В. Ахметова; ред. О.В. Белова, А.Б. Мороз, Н.С. Петрова. – М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2015. – 296 с.; Кляус, В.Л. «Русское Трехречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры / В.Л. Кляус. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 384 с.; Власов, А.Н. «Память места» как аспект теоретической проблемы локальности / региональности в русском фольклоре // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике – проблемы и перспективы. Сб-к статей / Ред. кол.: М. В. Ахметова (отв. ред.), О. В. Белова, А. Б. Мороз, Н. С. Петрова. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2015. – С. 70–82; Дранникова, Н.В. Локальная идентификация и самоидентификация жителей севернорусских городов Архангельска и Северодвинска (по фольклорно-этнографическим данным) // Studia Rossica Posnaniensia. – Познань, 2016. – № 41. – С. 57–69.

¹⁸ Топорков, А.Л. Фольклористика в междисциплинарном диалоге / А.Л. Топорков // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2015 / отв. ред. В.А. Тишков; сост. Н.В. Тарасова. – М.: Наука, 2016. – С. 39.

история», «образ места», «память места», «sense of place» (эстетическое и моральное «чувство места»)¹⁹, «place-lore» (местное знание)²⁰, а также выделяют ряд важных дистинктивных признаков локальной традиции, среди которых: историко-культурная память (история заселения анклава), границы ареала (географические, фольклорно-репертуарные, культурно-языковые), особенности ритуальных практик, особенности функционирования ономастикона, способы самоописания традиции (самоидентификация носителей), типы хозяйственной деятельности и др. Подобные речевые практики могут и должны рассматриваться как фольклор: «Фольклорные тексты – не только некие объекты “фольклорного дискурса”, но и те средства, благодаря которым реализуются социативные (контактоустанавливающие), эмотивные, волюнтаристические, апеллятивные, репрезентативные и другие возможности речевого общения»²¹.

Применительно к задачам настоящего исследования анализируется ряд вопросов методики выявления и описания локальных традиций. На опыте собственных полевых разысканий в одном из крупных анклавов черкесской диаспоры Узун-Яйла мы пытаемся обосновать перспективы применения этих методик в решении актуальных задач адыгovedения. При этом отмечается роль предыдущих кавказоведческих исследований, накопивших значительный полевой и аналитический материал, который может использоваться для описания живых очагов народной культуры черкесской диаспоры и метрополии в масштабе локальной традиции. Фольклорные, языковые, культурные ареалы (культурно-языковые региолекты и локальные фольклорные традиции) исторической территории проживания черкесов (адыгов) могут быть актуализированы и исследованы в неразрывной связи с историческим контекстом, с учетом лабильности их границ в результате миграционных процессов, обусловленных историческими реалиями последних двух столетий. На основе накопленного адыгovedением опыта мы предлагаем очертить несколько основных фольклорных ареалов внутри территории исторической Кабарды и Западной Черкесии, тексты которых в языковом и репертуарном плане обладают своей спецификой:

- фольклор кабардинцев Пятигорья и Малки (анклав, разрушенный в ходе военных действий в период Кавказской войны (начало XIX в.), фольклор этих селений, вероятно, лежит в основе материалов Шоры Ногмова²²);

---

¹⁹ Bird, E.S. «It makes sense to us»: Cultural identity in local legends of place / E.S. Bird // *Journ. of Contemporary Ethnography*. – 2002. – Vol. 31, № 5. – P. 544.

²⁰ Valk, Ülo. Narratives of Belonging: Comparative Notes on Assamese Place-Lore // *Folklore the Intangible Cultural Heritage of Saarc Region*, 2009. S. 41-42; Rimmel, Mari-Ann 2001. *Eesti kohapärimus folkloristliku uurimisainena*. Magistritöö. Tartu Ülikool, Eesti ja võrdleva rahvaluule õppetool. S. 21.

²¹ Богданов, К.А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности / К.А. Богданов. – СПб.: Искусство-СПБ, 2001. – С. 51.

²² Ногмов, Ш.Б. История адыгейского народа: Составленная по преданиям кабардинцев. / Вступ. ст. и подгот. текста Т. Х. Кумыкова. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 231 с.

- фольклор кабардинцев междуречья Баксана и Терека. Это условно выделяемый широкий «кабардинский» ареал (территория центральной части исторической Кабарды), внутри которого в перспективе могут быть дифференцированы несколько локальных традиций. Так, по мнению А.М. Гутова²³, в пределах кабардинского ареала рельефно выделяются такие центры как, например, кахунский, заюковский и другие;
- фольклор малокабардинцев (историческая территории княжества Гиляхстаней, селения современного Терского района Кабардино-Балкарской Республики);
- фольклор моздокских кабардинцев (селения, расположенные в Моздокском районе Северной Осетии и Курском районе Ставропольского края);
- фольклор зеленчукских кабардинцев (селения кабардинцев-хаджиретов современной Карачаево-Черкесии);
- фольклор лабинских кабардинцев (селения кабардинцев-хаджиретов современной Республики Адыгея);
- фольклор бесленеевцев метрополии (бесленеевские селения Карачаево-Черкесии, Адыгеи и Краснодарского края);
- фольклор чемгуйско-абадзехского ареала (чемгуйские селения и абадзехский аул Хакуринохабль); в данном ареале в исторической перспективе выделяется (территориально, диалектно и репертуарно) самостоятельный абадзехский материал;
- фольклор бжедугов (бжедугские селения западной территории Республики Адыгея);
- фольклор равнинных шапсугов (шапсугские селения западной территории Республики Адыгея);
- фольклор причерноморских шапсугов (черкесское население Туапсинского, Лазаревского районов и города Сочи Краснодарского края).

Развитие исследовательских штудий в контексте регионалистики сопряжено с проблемой выявления структур локальной идентичности носителя культуры. Дискурсы локальной идентичности – не только сложное, но и эмоциогенное явление. Однако при всем этом, локализация народной культуры была и остается эффективным механизмом адаптации. В настоящее время речевые практики, связанные с локальной идентичностью узуняйлинцев, являясь ностальгическими воспоминаниями о жизни в традиционно-сельской общине, актуализируют ряд базовых ценностных категорий, в том числе традиционной этики – *адыгагъэ* и морально-правового кодекса – *адыгэ хабзэ*, в их оригинальных местных проявлениях, сюжетно-мотивных формах. Тексты локальной идентичности, актуализируя

---

²³ Неопубликованные заметки.

«не-универсальные» (не «прочитываемые» за пределами ареала), частные, скрытые социально-групповые ценности и смыслы, обладают более высокой контекстной зависимостью и отличаются большей металогичностью.

Понимание, каким образом соотносятся географические и культурные границы локальной традиции, важно как для теоретического аспекта исследования, так и в плане эмпирического описания материала. Осознание носителями традиции ее границ сопряжено, прежде всего, с дихотомией «свой/чужой», и географическое, административное деление может играть здесь весьма условную роль, поэтому задача исследователя не должна сводиться к установлению ареальных границ традиции или картографированию отдельных ее элементов. И.А. Морозовым, к примеру, «локальность» рассматривается как «питательная среда, из которой вырастает культурное разнообразие и своеобразие, среда, порождающая новые идентичности»²⁴.

В главе также обращается внимание на необходимость методичного разграничения сохраненных в диаспоре универсальных форм (понимания, почему и каким образом они сохранились именно здесь) и новообразований, возникших на новой территории (выявления причин их формирования). При этом дается ссылка на общеизвестный ранний полемический опыт теоретизации «общенародного» и локального в отечественной фольклористике²⁵, а также на современные работы, выявляющие структурные элементы соотношения островной традиции и материнской культуры, исследований прагматики фольклора в локальной оптике²⁶.

---

²⁴ Морозов, И.А. Локальные традиции и культуры: современные исследования / И.А. Морозов // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 2. – С. 4.

²⁵ Аникин, В.П. Общерусское и локальное творчество в фольклоре (к общей постановке проблемы) / В.П. Аникин // Фольклорные традиции современного села: по материалам фольклор. экспедиций МГУ 1981-1987 гг. в рус. села Татар. АССР / МГУ им. М.В. Ломоносова, Филол. фак.; отв. ред. Н.И. Савушкина. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 11–27.; Аникин, В.П. Теория фольклора: курс лекций / В.П. Аникин. – М.: Кн. дом Ун-та, 1996. С. 343–344; Путилов, Б.Н. Фольклор и народная культура. In *metoġiam* / Б.Н. Путилов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – С. 158–159.

²⁶ Левкиевская, Е.Е. Проблемы описания локальных традиций и возможные методы их изучения (на примере украинского анклава Саратовской обл.) / Е.Е. Левкиевская // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 2. – С. 37–47; Христофорова, О.Б. Указ. соч.; Мифологические рассказы Архангельской области / сост. Н.В. Дранникова, И.А. Разумова. – М.: ОГИ, 2009. – 307 с.; Адоньева, С.Б. Указ. соч. С. 19; Белова, О.В. Мифологические представления и поверья хутора Крымский Усть-Донецкого района Ростовской области / О.В. Белова // Демонология и народные верования: сб. науч. ст. – М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2016. – С. 356–374; Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / Под ред. А.Б. Мороза. – М.: ФОРУМ; Неолит, 2012. – 592 с.; Дранникова, Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая система, этнопоэтика / Н.В. Дранникова. – Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004. – 432 с.; Левкиевская, Е.Е. Прагматика мифологического текста / Е.Е. Левкиевская // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. – М., 2006. – С. 150–213; 394. Тихонова, Е.Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов Байкальского региона: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.09 / Тихонова Елена Леонардовна. – Улан-Удэ, 2018. – 540 с.

Память об исторической родине – Черкесии (*Хэкужь*), поддерживаемая текстом локальной традиции, а также вернакулярные практики, связанные с достаточно продолжительной (до конца 1960-х гг.) сохранностью специфических местных социально-иерархических отношений – вот два основных фактора, структурирующих региональную (анатолийскую) и локально-культурную (узун-яйлинскую) идентичность жителей и уроженцев исследуемого анклава. Как справедливо полагает А.Н. Власов, локальная память может выступать существенным дистинктивным признаком в описании культурной традиции. При этом важно учитывать данные исторического, психологического, социального, конфессионального характера²⁷.

Исследуя избранную в качестве объекта зарубежную локальную традицию, мы видим свою задачу не только в насыщенном структурированном изложении отдельных блоков зафиксированной в поле информации (в рамках настоящей работы полный анализ всего материала оказался бы невозможным), но и в том, чтобы найти такой способ описания, который, по выражению Т.С. Каневой, позволил бы «уловить целостность текста традиции, ее “образ”, сложившийся у исследователей»²⁸.

В разделе 1.2 «Узун-яйлинский локальный текст: специфика и условия функционирования» приводится перечень исследований, авторы которых, будучи представителями различных научных направлений, обращались к узун-яйлинской тематике²⁹. Дается определение важных для нашего исследования категорий, таких как «узун-яйлинский текст», «узун-яйлинский нарратив» и др. При всей схематичности и металогичности этого понятия, узун-яйлинский текст непременно «звучит» – в определенной узнаваемой самим носителем или исследователем интонации, с характерным речевым акцентом, часто – подтекстом. Это специфический по стилю исполнения (рассказывания) текст, отличающийся некоторой закрытостью, который, по выражению К.В. Чистова, «связан с весьма определенной и конкретной социальной и локальной группой, ее диалектом, уровнем сознания, структурой сознания, эстетическими вкусами, то есть этот текст принципиально эзотеричен, предназначен “для своих”»³⁰.

---

²⁷ Власов, А.Н. «Память места» как аспект теоретической проблемы локальности / региональности в русском фольклоре / А.Н. Власов // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы. Сб-к статей / Ред. кол.: М. В. Ахметова (отв. ред.), О. В. Белова, А. Б. Мороз, Н. С. Петрова. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2015. – С. 74, 79.

²⁸ Канева Т.С. «Образ» локальной традиции в мультимедийном представлении (на материале фольклорной традиции Усть-Цильмы). – [Электронный ресурс]. – URL <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/509.html> (дата обращения 15.08.2017)

²⁹ При всей привлекательности узун-яйлинского поля, зарубежные авторы до настоящего времени не предпринимали попыток изучения местной традиции в фольклористическом аспекте, принятом в отечественной (русской, кавказоведческой) науке. Имеющиеся исследования носят преимущественно исторический и социологический характер.

³⁰ Чистов, К.В. Фольклор. Текст. Традиция: сб. ст. / К.В. Чистов. – М.: ОГИ, 2005. – С. 232.

Народный терминологический лексикон, следуя которому мы остановились на выборе указанных терминов, содержит ряд аналогичных устоявшихся выражений: *узун-яйлэ уэршэр* («узун-яйлинский оршер» – игровые словесные поединки), *узун-яйлэ хъыбар* («узун-яйлинское предание, рассказ»), *узун-яйлэ унафэ* («узун-яйлинское решение»), *узун-яйлэ хъэцІэц* («узун-яйлинский хачеш» – гостиная), *узун-яйлэ къафэ* («узун-яйлинская кафа» – протяжный танец), *узун-яйлэ нысашэ хабзэ* («узун-яйлинский свадебный обряд»), и, наконец, *ди Узун-Яйлэм* («наша Узун-Яйла», «у нас в Узун-Яйле»). В разделе анализируется типология фольклорных текстов, рельефно отображающих локальную специфику, а также их функциональность.

В последнем разделе первой главы на полевом материале рассматриваются фольклорные экспликации локальной идентичности узуняйлинцев. В частности: каким образом в местном фольклорном нарративе а) актуализируется социальная память; б) устанавливаются границы ареала; в) фольклорный текст, репертуар и навыки исполнительства осознаются в качестве маркеров локальной идентичности; г) обрядовые практики и музыкально-хореографический репертуар связываются с локальной идентичностью; д) какими элементами идентичности оперируют тексты самоописания традиции; е) уровни идентичности актуализируются в условиях полевой работы (в диалогах собирателя и информанта, третьих лиц).

Излагаемые в первой главе наблюдения и выводы связываются с актуальными теоретическими и практическими задачами современного адыгovedения.

Во второй главе «Мифо-эпическая традиция в фольклоре диаспоры» анализируются мифологические представления носителей изучаемой локальной традиции (Узун-Яйла) в их сравнительном сопоставлении с материнской культурой, исследуется мифо-эпическая традиция как система знаков, персонажей (их функций), локусов.

В данной главе (параграф 2.1.1) рассматривается ряд поэтико-типологических особенностей и социально-прагматических функций текста мифа о первотворении («*Дунеижьыр цымыджэмыцІэм...*» – «Когда этот старый мир еще не загустел...»), бытующего в узун-яйлинском поле в оригинальных аутентичных вариантах. При этом они сопоставляются с аналогами, зафиксированными и опубликованными на исторической территории, хранящимися в научных архивах. Версия рассматриваемого этимологического мифа, бытующая на родине, больше известна под названием «*Нартыжь уэрэд*» («Песня древних нартов»). Обе версии имеют ряд сходных типологических особенностей.

В условиях черкесского диаспорного поля идентификационная функция мифа о первотворении выступает одной из основных, он включен в дискурсивные практики, структурирующие идеологию этнокультурной идентичности. Наряду с другими эпическими песнями, входящими в цикл

застольных, текст актуализирует социально-гендерный статус (навыки и компетенции, связанные с ритуальным исполнением в мужском гостинном доме), когнитивные и коммуникативные характеристики личности. «Каждая локальная традиция (“фольклорный диалект”) “знает” свой репертуар обрядовых жанров» (С.Б. Адоньева). В этом смысле исследуемый текст мифа является одним из важных элементов узун-яйлинского фольклорного репертуара, локально-культурной идентичности: «*Эти песни знаем только мы*».

В параграфе 2.1.2 рассматривается ряд локальных особенностей бытования текстов актуальной демонологии, показано, каково значение мифологических рассказов в освоении нового географического пространства в диаспоре, приводятся примеры трансформации функций персонажей в контексте новых ландшафтных и исторических условий.

Ставится задача проследить, как островная традиция, существующая изолированно от материнской культуры, сохраняет и воспроизводит элементы мифологии. Тексты мифологических рассказов, записанные в диаспоре и метрополии, сопоставляются по сюжетам, мотивам, именам персонажей и их функциям, локусам обитания, механизмам визуализации образов.

Изменение ландшафта – один из основных факторов, способствовавших формированию особенностей системы мифологических персонажей в исследуемой традиции. Отсутствие в новой местности лесов и глубоких рек несколько «смещает» локусы демонических персонажей или «сужает» пространство их обитания. Характерные локусы северокавказского ландшафта – лесная чаща, водоворот, место под речными водорослями, заливы, глубокие овраги – менее характерны для центрально-анатолийского ландшафта и, следовательно, местных нарративов. В качестве локусов обитания мифологических персонажей или мест встречи с ними чаще упоминаются *камень* или *родник*.

Особенность процесса демифологизации в узун-яйлинской традиции заключается в том, что местные рассказы визуально «старят» женские образы. Это проявляется и в вербальном описании возрастных признаков, и в именах. Некогда величественное, с выраженными женственными чертами, божество рек *Псыхъуэ-Гуащэ* («Речная Княгиня»), привлекающее путников-мужчин своей красотой, предстает в диаспорном варианте в облике страшной старухи с большим семейством, с новым именем *Псыхъуэ-Нанэ*, в буквальном переводе – «Речная Бабушка». В именах покровительницы рек (*Психо-Нана*, *Архуана-Нана*) и покровительницы полей (*Губго-Нана*, *Тала-Нана*) также присутствует этот маркер возраста (*нана* – бабушка)³¹.

---

³¹ Паштова, М.М. Персонажи актуальной мифологии в фольклоре черкесов Анатолии: универсальное и локальное (по материалам экспедиций 2014 и 2015 гг.) / М.М. Паштова // *In Umbra: демонология как семиотическая система: альманах* / отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. – М.: Индрик, 2017. – Вып. 6. – С. 217–236.

Умение осознать опасность, исходящую от демонического персонажа, идентифицировать ее источник, знание стереотипных предписаний – все это эксплицитно присутствует в рассказах о мифологических персонажах и считалось частью необходимых коммуникативно-когнитивных навыков. Устные рассказы о демонических существах часто ассоциируются с детским опытом преодоления страха. В осмыслении страха как управляемого состояния заключается основная функция текстов актуальной мифологии – аксиологическая. В военно-рыцарских культурах, к которым можно отнести и традиционную черкесскую, личностные качества и социальные навыки, способствующие мобилизации духа, имеют особую ценность. Формируются они в том числе и через опыт преодоления страха в ситуациях рассказывания историй о демонических существах, а также через опосредованно связанные с их бытованием игры-испытания для мальчиков.

В разделе 2.2 рассматриваются циклы младшего эпоса в фольклоре Узун-Яйлы, сохранность текстов, формы бытования, прагматические функции. Эпический материал представлен в диссертации двумя корпусами текстов. Это 1) устные рассказы о Жабаги Казанок в узун-яйлинской традиции и 2) Кавказская война в текстах классического фольклора и современном социокультурном дискурсе черкесской диаспоры.

Фольклорные сюжеты о выдающемся общественном деятеле Кабарды XVIII века, народном мудреце и философе Жабаги Казанок, чрезвычайно популярные также и в кавказской метрополии, воспроизводятся и трансформируются в рамках сохранившегося в диаспоре традиционного канала коммуникации – «сидения-говорения в гостинном доме» (*хъэциІэи зэхэс*). Тексты о Жабаги сопоставляются нами с записанными на исторической территории вариантами в плане сюжетной типологии, семиотики, социально-прагматических функций. В фольклорной культуре черкесов диаспоры, в особенности в местах компактного проживания кабардинцев (кроме Узун-Яйлы, исследуемые сюжеты записывались нами и в Северо-Западной Анатолии, в одном из селений близ г. Бурса), тексты о Жабаги бытуют преимущественно в виде исторических преданий, притч, афоризмов, мини-диалогов.

Сказительская интонация повествования, с одной стороны, отличается традиционностью: «деловитая простота», размеренность, предполагающая обоюдную (для адресата и адресанта) осведомленность в сообщаемой информации. С другой стороны, интонация обусловлена стилем повседневного ритуализованного общения *уэришэр* с его местными специфическими особенностями: диалогичность в стиле агоня, игровое наполнение и т.д. Второй тип интонирования более характерен для контекстных уточнений смысла пословиц и поговорок, рассуждений о многозначности поступков и парадоксальности мышления Жабаги.

Одна из «противоречивых» особенностей, легко объясняемая законами фольклорного мышления, состоит в том, что тексты о Жабаги, всенародно любимом и авторитетном герое, фиксируемые в исследуемой локальной

традиции, отличаются гораздо более выраженным мотивом «неблагородного происхождения героя» в сравнении с циклом, бытующим на этнической территории. «Фольклор подчиняет своим законам биографию героя – необыкновенный герой должен иметь необыкновенное происхождение», – пишет по этому поводу З.М. Налоев³².

Тексты о Жабаги, бытующие в исследуемой фольклорной традиции, отличаются своей сюжетно-типологической динамикой, обладают более выраженной этноидентификационной функцией. Исследование регионально-локальных особенностей зафиксированных нами сюжетов и мотивов о Жабаги оказалось продуктивным в их сравнительном сопоставлении с сюжетами, бытующими на исторической родине. Так, подавляющее большинство текстов, записанных в ходе фольклорно-этнографических экспедиций в Узун-Яйле и других черкесских анклавах Турции, являются вариантами опубликованных на Кавказе преданий. Наряду с этим, встретились уникальные, незафиксированные ранее сюжеты: «шлейф княгини», «как выбирать девушку, коня, оружие», «Жабаги и дворянское общество».

Сопоставление диаспорных текстов о Жабаги и их вариантов, записанных в метрополии, дается в схематической таблице синхронного описания сюжетов и мотивов.

В настоящем и других разделах диссертации актуализируется связь имени Жабаги Казанок с объяснительными моделями и предписаниями ритуально-мифологического и этического характера. Имя Жабаги Казанок прочно вошло в устно-речевую культуру диаспоры, в традиционных и современных устных нарративах и диалогах оно образует ряд фразеологических сращений и речевых клише.

Афоризмы, приписываемые народному мыслителю и реформатору Кабарды XVIII в., бытуют в Узун-Яйле как самостоятельно, так и в синкретическом единстве с новеллами или мини-диалогами: *Жэбагы «хабээр лo?» жаIэу цеупцIым цыгъуэ, «хабээр екIурас» жиIас.* («Что есть хабээ?» когда у Жабаги спросили, «хабээ – это то, что уместно [гармонично]», - сказал). Или: *«Сэ хабээр зэсхъуэкIми и нэхъыфIыр къызохъ»* («Я хоть и меняю хабээ, устанавливаю лучшее»).

Метакоммуникативные послы устных рассказов о Жабаги порождают в свою очередь отдельные темы для их правильного «прочтения», комментирования, декодирующих разъяснений. Устойчивость и высокая сохранность в коллективной памяти узуняйлинцев рассказов о Жабаги объясняется целым рядом их социально-прагматических функций. В их числе: морально-этическая, социорегулятивная, когнитивная, идентификационная, рекреативная.

---

³² Налоев, З.М. Образ Жабаги Казанок в адыгском фольклоре / З.М. Налоев // Жабаги Казанок (300 лет): материалы регион. науч. конф., 30–31 октября 1985 г. – Нальчик, 1987. – С. 52.

Образ Жабаги Казанок подвергся в диаспоре еще большей фольклоризации, с его именем здесь связывается ряд ритуально-мифологических и этикетных ремотиваций. Посвященность в казанокский контекст (стереотипные комментарии к текстам, фольклорные рефлексивы) ассоциируется у носителей культуры с престижностью, ответственностью за хранение и передачу особого социального знания.

В отдельном параграфе диссертации (2.2.2) анализируется цикл стереотипных нарративных и поэтических текстов о Кавказской войне, бытующих в фольклорном поле черкесской диаспоры. Актуальной для фольклориста задачей представляется выявление дискурсивного потенциала текстов классического фольклора в современном общественном быту черкесской диаспоры. В данном случае можно принять определение понятия «дискурс» как совокупности текстов, возникшей в результате динамического коммуникативного процесса, происходящего в определенном социокультурном контексте. По выражению Н.Д. Арутюновой, дискурс есть «речь, погруженная в жизнь»³³.

Подобный подход к устно-речевым практикам, рождающимся в процессе воспроизведения нарративов классического фольклора о событиях полуторавековой давности, помогает решить ряд важных задач. Например, получение достоверного знания о стереотипных представлениях черкесов диаспоры о своей исторической родине – Черкесии; выявление структурных элементов фольклорной памяти о событиях Кавказской войны; определение способности этих дискурсивных практик структурировать социальную реальность, влиять на направления общественного развития в диаспоре.

Цикл героических преданий и песен-плачей периода Кавказской войны выстраивает особую иерархию текстов и героев, аналогичную материнской традиции. Так, записанные нами в ходе полевой работы героическая песня «Кабардинское ночное нападение» («*Жэцтеуэжь*» или «*Къэрэдей гуцэм и блэгъукIитIыр мэдыд...*»), тексты «хаджиретского» цикла «Песня о князе Кучуке Аджигирееве» («*Ажджэриикъуэ Кушыкупц*»), предания о нем и о Магомете-Аше Атажукине («*ХьэтIохъуцокъуэ Мыхьэмэт-Iэшэ*») широко представлены также на исторической родине³⁴. Наряду с ними в Узун-Яйле бытуют оригинальные тексты периода Кавказской войны, такие как «Военная [походная] песня» («*Зауэ уэрэдыжь*» или «*Дывгъэунэркъэ губгъуэр зи унэ!...*»), «Песня-плач хаджиретов» («*Хьэжрэтхэм я гъыбзэ*»).

---

³³ Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 137.

³⁴ Адыгские песни времен Кавказской войны. Издание второе, дополненное. – Нальчик: «Печатный двор», 2014. – 656 с.; МыкIосэрэ жъуагъохэр [Немеркнущие звезды. Сб. историко-героических песен] / сост. А. А. Схалыхо. – Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 1994. – 334 с. (на адыг. языке); Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / под ред. Е.В. Гиппиуса. – М.: Сов. композитор. Т. 3, ч. 1. – 1986. – 264 с; Т. 3, ч. 2. – 1990. – 448 с.; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). – Тифлис: Типография Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. – 1898. Вып. 25. Отд.3. – С. 153–328

Диаспорный фольклор, тематически относящийся к этому периоду, актуализирует две особые исторические формы локально-групповой идентичности черкесов. Названием *хьэжрэт* (хаджреты, хаджиреты), как известно, стали обозначать не примирившихся с колонизацией и ушедших за Кубань кабардинцев. Термином *тлуаццIэдэс* (от слова *тлуаццIэ* – междуречье, междуморье, остров) обозначают ту часть, которая не покинула Кабарду после установления в ней колониального режима³⁵. Эта оппозиция вербализуется в узун-яйлинских эпических текстах как *тлуаццIэдэс/хьэжрэт* или *тлуаццIэдэс/хуэдздэс* (междуреченцы/ходзинцы, то есть переселившиеся на реки Ходзь или Лабу³⁶).

Как в фольклоре черкесов исторической родины, так и в диаспорной традиции наиболее узнаваемым и популярным из героев рассматриваемого эпического цикла является образ хаджиретского князя Магомета-Аше Атажукина (*ХьэтIохьуцокьуэ Мыхьэмэт-Iэшэ*). Аше – известная историческая личность, его имя упоминается во многих исторических источниках периода Кавказской войны и фольклорных текстах³⁷ как Магомет-Аш, Мохаммед-Аше-Атажуко, Магомет Колчерукий, Магомет Короткорукий, Сухорукий. Так, Флориан Жиль пишет: «У переселившихся черкесов и кабардинцев был один герой, князь Мохаммед-Аше-Атажуко. Одновременно рыцарь и поэт, он был идеалом всех черкесов, видевших в нем олицетворение мужества»³⁸. В контексте устных рассказов о Магомете-Аше, так же, как и в материнской традиции, упоминается имя князя Кучука Аджигиреева, второго в «фольклорной иерархии» хаджиретского героя. Ему посвящена отдельная гыбза – песня-плач. Диаспорная версия, как и версия зеленчукских кабардинцев, предполагает, что ее сочинила жена героя во время обрядового оплакивания.

В фольклорном дискурсе о Кавказской войне и массовом выселении черкесов (адыгов) в Османскую империю одним из самых активных является топик утраченной родины. Он насыщен элементами мифологизации,

---

³⁵ Алоев, Т.Х. Очерки политической истории хаджретской Кабарды в первой половине XIX в. / Т.Х. Алоев. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 126 с.; Фадеев, Р.А. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей / Р.А. Фадеев. – СПб., 1865. – 259 с.; Фадеев, Р.А. Кавказская война / Р.А. Фадеев. – М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. – 635 с.; Хотко, С.Х. Хаджретова Кабарда: кубанские кабардинцы в контексте этнополитической истории Черкесии / С.Х. Хотко // Лики адыгского прошлого (историческое приложение к газете «Адыгэ макъ»). – Майкоп, 2013. – Вып. 20 (79)-25 (88).

³⁶ Притоки Кубани.

³⁷ Потто, В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе / В.А. Потто. – Тифлис, 1904. – Т. 3, ч. 2. – С. 197; Торнау, Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера / Ф.Ф. Торнау. – М.: АИРО–XXI, 2008. – С. 356–358; Жиль, Ф.А. Письма о Кавказе и Крыме / Ф.А. Жиль / сост. и пер. с фр. К.А. Мальбахова. – Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. – С. 138–143; Дубровин, Н. Черкесы (адыге) / Н. Дубровин. – Краснодар: Издание Общества изучения Адыгейской автономной области, 1927. – С. 80, 117; Адыгэ хьыбархэр / зыхэзыльхьар, пэублэ тхыггэр, комментариехэр зытхар Мыжей Михаилц; ред. Гьут I. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского книжного изд-ва, 1986. – 360 н. [Адыгские народные новеллы / сост., предисл., коммент. М. И. Мижаева; ред. А. М. Гутон] (на черк. языке). – С. 14, 326; Адыгские песни... С. 579.

³⁸ Жиль Ф.А. Указ. соч. – С. 138.

мотивами «золотой век», «утраченное былое изобилие» и отмечен высокой частотностью исторической топонимической лексики. Так, фольклорная память сохранила предания, связанные с высокосемиотичным топонимом – *Ахьмэтыбг* (гора в долине реки Лаба): «Когда мед с Ахмет-горы падал в реку Ходзь, она текла сладкой целую неделю!»³⁹.

Тексты эпического цикла актуализируют в коллективной памяти диаспоры ряд важных ценностных категорий рыцарской этики (*уэркъ хабзэ*), в числе которых мужество, выносливость, скромность, уважение к женщине, надежность. В странах проживания диаспоры черкесы наделены в глазах иноэтнического окружения рядом аналогичных стереотипических качеств, и стремление соответствовать этим исторически устоявшимся представлениям по сей день остается в числе важных идеологем диаспорного сообщества. Таким образом, ценности, актуализируемые фольклорными, в частности, эпическими текстами, поддерживаются в изучаемом анклав не только исторической памятью и культурной идентичностью, но и прагматической необходимостью, диктуемой современной социальной реальностью.

В третьей главе «Фольклор черкесского гостиного дома: культурно-исторический и коммуникативно-прагматический аспекты» также решается одна из главных задач, заявленных в исследовании: проследить, как островная традиция, существующая изолированно от материнской в течение полуторавекового периода, сохраняет и воспроизводит элементы фольклорной культуры, в данном случае – на примере такой важной социальной институции, как гостиный дом (*хачеш, кунацкая*).

В разделе 3.1 сопоставляются исторические (универсальные) и современные локальные формы функционирования кунацкой, обращается внимание на прагматико-семиотический аспект функционирования стереотипных устных рассказов о гостеприимстве в диаспорной традиции, на сакральный статус происходящих в хачеше ритуальных действий. Показаны формы сохранности института в Узун-Яйле, трансформация его социальных функций в современных городских условиях.

Предания, мемораты, паремии, диалоги отражают динамику изменения исследуемых явлений мужской аристократической культуры. Устные тексты, на основе которых исследуется данная институция, дают возможность сравнения: а) исторических и современных форм, б) «общеадыгского знания» и локально-культурных представлений о функционировании гостиных домов у черкесов.

В разделе приводятся и сопоставляются универсальные и локальные лексико-фразеологические единицы, включенные в местный фольклорный дискурс о гостеприимстве.

В первые годы расселения черкесов на новых местах в диаспоре функционирование хачешей было ориентировано на создание устойчивых

---

³⁹ Инф. Джеудет Мзако, 1944 г.р., сел. Шигебахой, р-н Узун-Яйла. Соб. М. Паштова, 2015, сел. Шигебахой.

вертикальных и горизонтальных связей, поддержание старых, сложившихся еще на исторической территории. Статус принимаемых в гостиных домах решений был довольно высок – от фамильных до общенародных. Так, значимые для судеб всей Узун-Яйлы решения (например, в 1960-е годы о фиксированной сумме *уасэ* – калыма, о примирении кровников и вообще конфликтующих сторон, о регуляции отношений с официальной властью) принимались в хачешах крупных черкесских селений Атажукино, Куденетово, городке Газей (Пинарбаши). Эти собрания отмечены в меморатах терминами *хасэ* (общенародный совет, парламент) и *жылэ унафэ* (всенародное решение). В одном из нарративов говорится о присланном правительством в административный центр Узун-Яйлы г. Пинарбаши турецком судье (хакиме), который сетовал, говоря, что «ест свой хлеб незаслуженно». Этот мотив («судья, сидящий без дела») встречается в контексте рассуждений о том, что черкесы в свое время разрешали все конфликтные ситуации внутри гостиного дома, обходя официальные государственные институты. В сообщениях информантов исследуемой локальной традиции гостиный дом упоминается как место, в котором происходило отправление обрядов жизненного цикла: заключение брака, снаряжение свадебной процессии, отпевание усопшего, проведение обряда лечения больного или раненого.

Вовлеченность всех участников ритуала в происходящее в хачеше действо как нельзя лучше иллюстрирует впервые зафиксированный в турецких экспедициях Р.Б. Унароковой и детально описанный нами на материалах нашей экспедиции 2009 г. ритуал под названием *хьэццИэцц махьсымафэ* (хачешевое распитие бузы)⁴⁰. Махсымафа до недавнего времени являлся в Узун-Яйле одним из самых важных элементов мужских собраний. Обычно ритуал приурочивался к свадебным циклам, но мог устраиваться спонтанно, собственно, по поводу приготовления напитка *махьсымэ*. Характерная особенность махсымафа – эстафетность, аналогичная эстафетности во время исполнения древнегреческих сколий. В хачеше рассаживались лучшие знатоки старинных черкесских песен, привезенных с Кавказа, и, передавая друг другу чашу с бузой, пели их в сопровождении традиционного подголоска – ежу. *Махьсымафэ уэрэдхэр* (песни [поющиеся на] махсымафа) представляют собой своего рода замкнутый репертуар, куда включена «классика» адыгского фольклора: «*Дунеижьыр щымыджэмытцИэм...*» («Когда этот старый мир еще не заквасился...»), «*Хьэтх Мыхьэмэт-гьуазэ и уэрэд*» («Песня о Мхамате Хатхе»), «*Хьэтхым и Кьуэкласэм и уэрэд*» («Песня о Хатхе Кочасе»), «*Жэццтеуэжьым и уэрэд*» («Песня о великом ночном нападении»), «*Кьэбэрдей къаным и уэрэд*» («Песня о кабардинском воспитаннике»), «*Хьымсад-гуаццэ и гьыбзэ*» («Плач

⁴⁰ Унарокова, Р.Б. Песенная культура адыгов (эстетико-информационный аспект) / Р.Б. Унарокова. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – С. 164–165; Паштова, М.М. Игровые институты в фольклорной культуре черкесов Турции: на материале экспедиции 2009 г. / М.М. Паштова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2010. – Вып. 1. – С. 50–55.

Химсад-гуаши»), «Ажджэришкьуэ Кушыкупц и гьыбзэ» («Плач о Кушукенязе Аджигирее») и др. Некоторые из песен этого репертуара на этнической территории утрачены. В живом исполнении несколько из этих песен еще воспроизводятся народным ансамблем селения Мударей, а также молодежной певческой группой при общественной организации *Kauseri Kafder* (*Адыгэ Хасэ*) г. Кайсери.

В узун-яйлинских устных рассказах о хачешах мы встречаем устойчивые сочетания, относящиеся к структурированию пространства гостинного дома: *хьэццIэц жьантIэ* (почетное место, «верховье» стола, главной комнаты), *хьэццIэц жэхафэ / дакьахэ* (место у двери, семантически противоположное *жьантIэ*), *хьэццIэц Iуж* (веранда, маленькая комната перед входом в главное помещение гостинной) и др. Термины представляют собой интерес прежде всего как инструмент социального (классового, половозрастного) маркирования.

Эти и другие способы социальной стратификации рассматриваются в разделе 3.2 «Социально-классовый аспект функционирования фольклора узун-яйлинского гостинного дома: специфика внутриобщинной коммуникации как маркер локальной традиции».

Отдельных фольклорно-антропологических исследований, посвященных специфическим локальным формам внутриобщинной коммуникации черкесской диаспоры, до нынешнего времени не существует. В диссертации выявляется функциональная специфика бытующих в среде черкесов Узун-Яйлы фольклорных текстов, актуализирующих традиционные навыки метакоммуникации, опосредованного общения, особые, социально и культурно обусловленные поведенческие стратегии.

В адыговедческой науке исследованию этнокультурной специфики общения уделено значительное внимание. Это работы Б.Х. Бгажнокова⁴¹, заложившего основы такого научного направления как *этнография общения*, М.И. Мижаева⁴², исследовавшего особенности общения в контексте обрядов, З.М. Налоева⁴³ и С.Х. Мафедзева⁴⁴, которые в ряде своих работ обратили внимание на металогию общения в контексте традиционной культуры, Р.Б. Унароковой, посвятившей отдельную монографию формам общения адыгов, в т.ч. «опосредованному общению»⁴⁵. В некоторых из этих работ, а также в

---

⁴¹ Бгажноков, Б.Х. Адыгский этикет / Б.Х. Бгажноков. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 160 с.; Бгажноков, Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов / Б.Х. Бгажноков. – Нальчик: Изд. «Эльбрус», 1983. – 232 с.

⁴² Мижаев, М.И. Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов / М.И. Мижаев. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1973. – 208 с.

⁴³ Налоев, З.М. Образ Жабаги Казаноко в адыгском фольклоре / З.М. Налоев // Жабаги Казаноко (300 лет): материалы региональной научной конференции (30–31 октября 1985 года). – Нальчик, 1987. – С. 50–66; Налоев, З.М. Институт джегуако / З.М. Налоев. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2011. – 408 с.;

⁴⁴ Мафедзев, С.Х. Символика в коммуникативном поведении адыгов / С.Х. Мафедзев // Национальная культура и общение. – М., 1977. – С. 46–68.

⁴⁵ Унарокова, Р.Б. Формы общения адыгов / Р.Б. Унарокова. – Майкоп. 1998. – 127 с.

исследованиях других авторов⁴⁶ затрагиваются в т.ч. этнокоммуникативные особенности быта (повседневного, военного, ритуального) черкесской аристократии.

Две важные социальные компетенции – дар красноречия и умение молчать – отмечены в характере черкесов бытописателями XIX и нач. XX вв. Так, Э. Спенсер пишет: «Ни возраст, ни ранг, ни богатство не имеют какого-либо значения в выборе старейшины; сила, добродетель и дар красноречия – единственное необходимое условие»⁴⁷. По свидетельству Н. Дубровина, «самые смелые джигиты (витязи) отличались необыкновенной скромностью; говорили тихо, не хвалились своими подвигами, готовы были каждому уступить место и замолчать в споре; зато на действительное оскорбление отвечали оружием с быстротой молнии, но без угрозы, без криков и брани»⁴⁸.

В исследуемой локальной фольклорной традиции тексты о «говорении/молчании» соотнесены с дискурсами социально-классовой и этнической идентичности. Навыки вербального и невербального общения, умение говорить иносказательно (*цIагъыбзэкIэ, IуфэляфэкIэрэ*) рассматриваются как особое, «утрачиваемое ныне», социально маркированное знание. Молчание как значимый речевой акт всегда подразумевает высокий контекст. В исследуемых сюжетах с «молчанием» ассоциируются прежде всего те вербальные и невербальные поступки, которые актуализируют культурно окрашенную и социально обусловленную недосказанность, ожидающую своего «правильного» прочтения или, наоборот, закрывающую определенную информационную нишу для социально и эмоционально «чужих».

Семантика молчания в ритуале явственно просматривается в стереотипных узун-яйлинских описаниях обычая *Iэ сэмэгу Iэт* (или *жэназы Iэ Iэт*) – «поднятие левой руки». Описывая этот обычай, еще не так давно (до 1960–1980-х гг.) имевший место в танатологической практике кабардинцев Узун-Яйлы, пожилые информанты прочно привязывают его к имени Жабаци Казаноко как «им завещанный».

Принадлежность к аристократическим сословиям являлась одной из главных в системе ценностей народов мира. Об этом на примере кабардинцев пишет А.В. Кушхабиев⁴⁹. Собранный нами в Узун-Яйле полевой материал – стереотипные устные тексты об истории местных аристократических фамилий, аристократизме и благородстве (*уэркъыгъэ*⁵⁰) – предполагает, как минимум, два аспекта исследования: социально-исторический и фольклорно-

---

⁴⁶ Марзей, А.С. Черкесское наездничество – «ЗекIуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века / А.С. Марзей. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – Изд. 2-е. – 301 с.

⁴⁷ Спенсер, Э. Путешествия в Черкесию / Э. Спенсер / Предисл., перев. и коммент. Н. Нефляшевой. – Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994. – С. 103.

⁴⁸ Дубровин, Н. Черкесы (адыге) / Н. Дубровин. – Краснодар: Издание Общества изучения Адыгейской автономной области, 1927. – С. 85.

⁴⁹ Кушхабиев, А.В. Эволюция фактора принадлежности к феодальным сословиям в традиционной системе ценностей кабардинцев / А.В. Кушхабиев // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 5 (61). – Нальчик, 2014. – С. 199–205.

⁵⁰ От слова *уэркъ* (уорк) – благородный рыцарь, дворянин, аристократ.

языковой. Рассматривая материал во втором аспекте, в неразрывной связи с социальной ситуацией, исторической и современной, можно отметить, что специфика социально-классовых отношений считается одним из явных локально-культурных маркеров узун-яйлинской традиции. Эта историческая особенность осознается как самими узуняйлинцами, так и черкесами других регионов Турции. В работе показано, что стратегии декларирования аристократических идеалов как ценностей, выходящих за рамки ценностей отдельного социального класса, исполняют в исследуемой диаспорной общине прежде всего регулятивную функцию.

Тема сословной идентичности, как одна из табуированных, конфликтогенных (эмоциомных), во время первого визита к информанту раскрыта быть не может. Только длительная терпеливая и доверительная связь между собирателем и полем может обещать возможность «взломать» текст. Погруженный в местную среду исследователь может рассчитывать не только на фиксацию уникального фольклорно-языкового и кинесико-проксемического материала, но и наблюдать, как через общение с ним пожилые рассказчики начинают несколько по-иному смотреть на сложные социально-психологические ситуации, связанные с «былыми некогда» сословными противоречиями.

В диссертации рассматривается, каким образом в диаспорном фольклорном дискурсе актуализируется социальная норма, которую Я.В. Чеснов назвал кавказским *демократическим (личностным) аристократизмом*⁵¹, как формируется групповая идентичность не по крови, а по духу. Герменевтический подход к исследованию устных текстов, которые мы еще недолгое время будем иметь возможность фиксировать в черкесской диаспоре, обещает, по выражению Я.В. Чеснова, раскрыть «роль сакральности культуры, титаническую составляющую в самоопределении человека»⁵².

Прагматическая функция исследуемых текстов претерпела трансформации, продиктованные кризисом внутренних социальных связей, разрушением традиционной сельской общины, урбанизационными процессами. В настоящее время социально-классовая, сословная идентичность узуняйлинцев структурируется скрытым дискурсом, неявными формами презентации. При этом мы можем наблюдать два параллельных топика этого дискурса: а) потомственная аристократия vs парвеню; б) благородство по крови vs «новое благородство».

Кризис социальной системы узун-яйлинской общины, обусловленный как внешними факторами (реформы Ататюрка), так и внутренними (дисфункция институций вследствие экономических потрясений), повлек за

---

⁵¹ Чеснов, Я.В. Норма «демократического аристократизма» и социально-культурная стабильность на Кавказе / Я.В. Чеснов // Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества. – Ереван, 2001. – С. 178–195; Чеснов, Я.В. Экзистенция: аристократизм / Я.В. Чеснов // Философия и культура. – 2011. – № 8 (44). – С. 145–156.

⁵² Чеснов, Я.В. Герменевтика скрытых текстов: миф, титаны и долгожительство / Я.В. Чеснов // Философия и культура. – 2013. № 5. – С. 680.

собой необходимость изменения коммуникативных стратегий. С одной стороны, разложение традиционной структурной иерархии, понимание необратимости ее разрушения порождает ностальгический мотив «как раньше уже не будет». С другой стороны, из речи старшего поколения узуньяйлинцев явствует его видение этих процессов как отхода от упорядоченности социального космоса, как движение к хаосу, в первую очередь – «беспорядку» этическому и этикетному.

Тема (не)наследуемости благородства содержит две несовместимые, на первый взгляд, объяснительные модели. Первая основана на понимании благородства/плебейства как совокупности телесных и духовных признаков, передающихся «по крови» (*лIэужьыр бжьыблкIэ мауэ – наследственность бьет через семь поколений*). Эта стратегия в большей степени сопряжена с «мягкими» формами дискриминации, оперирует рядом инструментов мифологизации благородства. Предопределенность социальной (моральной, этикетной) ошибки, которая «рано или поздно будет совершена плебеем», входит в комплекс представлений потомственной аристократии о том, что благородство – вещь наследуемая. Согласно этим представлениям, неблагородный может получить хорошее образование, его дела могут пойти в рост, он может заработать много денег, занять важный государственный пост, но кровь «даст о себе знать». Эти представления лежат в основе нарративных сюжетов, как «классических», так и более поздних (меморатов, фамильных историй и др.).

В основе противоположной интерпретационной стратегии лежат представления о важности волевых качеств человека в добывании им благородного звания. Анализируя поиски «нового благородства» Данте, О.А. Седакова отмечает: «Благородным у него может быть человек, не обладающий ни чередой знаменитых предков, ни наследственным богатством. Это благородство должно строиться на других основаниях – этических»⁵³. В черкесском диаспорном фольклорном дискурсе эта стратегия явно не отрицает наследуемость благородства, и зарождение этих представлений следует искать не в реакциях на кризис социальной системы исследуемой общины. Очевидно, что в тот период (первая пол. XX в.) идея «приобретенного», завоеванного, заслуженного благородства лишь вновь активизировалась. На самом деле мы имеем дело с рефлексиями, зародившимися в более раннюю историческую эпоху, и «законсервированными» устной диаспорной традицией. Правильнее было бы сказать, что обе эти идеи («благородство наследуется» и «благородство приобретается»), соответственно и обе коммуникативные стратегии существуют в фольклорном сознании в синкретическом единстве.

Основной императив идеи ненаследуемости благородства, непривязанности его к сословию или классу, звучит в диаспорном фольклоре

---

⁵³ Седакова, О.А. В поисках «нового благородства». Аристократический минимум: школа мышления и действия / О.А. Седакова. – [Электронный ресурс]. – URL <http://gefter.ru/archive/240191> ГЕФТЕР. 12.02.2018 (дата обращения 17.04.2019)

в нескольких вариантах. Первый известен также и на исторической территории: *Лыр лакъуэс* («Родовитость в мужестве»). Второй вариант этой поговорки, бытующий в Узун-Яйле, условно говоря, «разворачивает» значение первого: *Улмэ улакъуэс, нэмыс уилэмэ убесльэнс* («Если ты мужественен, то родовит, если честен (уважаем) – то дворянин») ⁵⁴.

Сентенция «знатность/благородство в мужестве» восходит к философскому наследию исторического деятеля Кабарды XVIII в. Жабаги Казаноко. С его именем связан ряд социальных реформ эпохи правления верховного князя Асланбека Кайтукина. Фольклорная память связывает успехи развития Кабарды в период правления Кайтукина именно с заслугами его советника – Жабаги. Один из сюжетов о Жабаги, который нам удалось зафиксировать только в Узун-Яйле, включен во вторую объяснительную модель природы благородства: «от него повелось, что человек перед человеком голову склонять не должен» (*зы цыхум зы цыхум цхьэ зэрыхуимыгъэтЫльыныр абдей кыщригъэжъас*) ⁵⁵. Сюжетообразующий мотив этого предания можно обозначить ключевой фразой «шлейф княгини». Жена Жабаги, ожидающая визита княгини, жены верховного князя Кабарды, спрашивает у мужа совета, как встретить ее. На что муж отвечает: «Окажи княгине все почести и уважение, положенные такой гостье, но шлейф не держи». Этот сюжет, скорее всего, увезен с исторической родины и сохранен в диаспоре.

Актуализируя металогию аристократизма, Я.В. Чеснов пишет о приоритете нрава: «Нрав – аристократическая подлинность. В народной культуре *аристократизм* сокрыт, он не навязчив, ибо проявляется поведенчески, а не стереотипно и генеалогично. Потаенный поведенческий аристократизм проявляется также *фольклорным словом*, которое произносится вовсе не от лица говорящего, а отстраненно, как всем известная истина» ⁵⁶. Узун-яйлинский материал показывает, что концепт «благородство» в фольклорно-языковом мышлении находится в синкретическом единстве с «аристократизмом» и «чистотой». И осознавая многозначность термина *уэркыгъэ* (от дворянского звания до комплекса экспликаций высоких этических норм), носитель традиции актуализирует «новое благородство», связывая его с нравом: *цэн зыхэль* ([чистого] нрава).

Основными функциями исследуемых текстов в устной традиции Узун-Яйлы являются классово-идентифицирующая и регулятивная. Вместе с этим, с одной стороны, опосредованно актуализируются гуманистические ценности, возводимые к народно-философскому наследию Жабаги Казаноко.

---

⁵⁴ В оригинале букв. *то беслан*: термин, обозначающий сословие незнатных потомственных дворян 2-й степени беслан-уорков, а также одну из знатных кабардинских фамилий Беслановых, ответвление княжеского дома Жамботовых.

⁵⁵ Инф. Нарт Тхакахо, 1943 г. р., сел. Мекеней. Соб. М.М. Паштова, М.А. Табишев. 2009, г. Кайсери.

⁵⁶ Чеснов, Я.В. Фольклорный концепт человека / Я.В. Чеснов // Фольклор и фольклоризм в меняющемся мире: сб. ст. – М., 2010. – С. 23.

С другой стороны, подвергаются рефлексии противоречия, порожденные дисфункцией внутриобщинных отношений начала и середины XX века.

В третьем разделе главы рассматриваются типология и функциональность стереотипных устных текстов об имуществе и деньгах в узун-яйлинской локальной традиции. Показано, каким образом в фольклорном дискурсе локальной диаспорной традиции, существовавшей достаточно долгое время изолированно от внешнего мира и удаленно от исторической территории, деньги выступают в качестве категории не столько экономической, сколько культурной.

Сохранность и специфическая трансформация такой важной социальной институции, как черкесский гостиный дом, способствовали развитию особой темы в фольклорном и общественно-бытовом дискурсе, связанной с гостеприимством, осознанию хачеша как одного из этнокультурных маркеров. Офисы черкесских общественных организаций (*хасэ*) являются в настоящее время своеобразным аналогом традиционного хачеша. Здесь происходят внутриобщинные встречи, вырабатывается единая точка зрения на те или иные явления общественной и политической жизни, принимаются значимые решения, организуются встречи с известными гостями и представителями официальной власти. Семиотически значимые элементы хачеша сохраняются и в современном быту: актуализация фольклорно-речевых практик, наличие «главных» и «второстепенных» помещений, иерархическое рассаживание, ролевые функции (возрастные, гендерные, закрепленные и импровизированные), традиционные виды угощений и т.п.

Устойчивость рассматриваемых фольклорно-речевых явлений в диаспоре обусловлена особенностями внутриобщинной коммуникации. Оставаясь неформальной и в определенной степени закрытой, в условиях урбанизации и глобализации диаспорная информационная среда достаточно давно и успешно пользуется современными технологиями связи. Медиапространство, взяв на себя такую функцию гостиного дома, как обмен информацией, установление новых контактов, оповещение, формирование общественного мнения, не вытеснило при этом отношение к гостеприимству и живому общению в гостиных как к престижному виду контактной коммуникации. Предмет и стиль «сидения-говорения» в хачеше, безусловно, коррелируют с социальным статусом участников коммуникации (возраст, пол и др.) и конкретной целью (важный инфоповод или рекреативное общение), но, в целом, отношение к гостинной комнате как к особому сакральному пространству дома сохраняется в речевой и поведенческой практике узуняйлинцев среднего и пожилого возраста по сегодняшний день.

В четвертой главе «Институт джегуако в фольклорной культуре Узун-Яйлы» рассматриваются местные проявления игровых институтов, жанры народной поэзии, образы известных в узун-яйлинской традиции поэтов-импровизаторов.

В анклав Узун-Яйла в традиционной форме функционирует институт *уэршэр*, на который в диссертации обращается особое внимание. Само значение этого слова несколько расширено: от общеизвестного литературного «непринужденная беседа, разговор» до понятия «глубоко осмысленное многозначное общение», включающее неречевые знаки, «игровое сватовство».

В разделе 4.1 диссертации рассматривается один из основных фольклорно-жанровых элементов института *уэршэр* – смеховые групповые маркировки. Несмотря на сложный субэтнический состав региона (кабардинцы, абазинцы, хатукайцы, абадзехи), все возможные межгрупповые противоречия и трения гармонизировались традиционными общественными институтами. Фольклорные тексты (маркировки, диалоги, комические истории) рассматриваются в определенных коммуникативно-когнитивных аспектах: групповая маркировка, диалектная (игровая идиолектная) речь как смеховой сигнал и инструмент моделирования ритуально-игрищного и бытового общения; социорегулятивные, этноструктурирующие свойства клишированных субэтнических характеристик; этноинформативная функция групповой маркировки (по выражению Н.В. Дранникова, подобные присловья – это своеобразная форма репрезентации этнического образа⁵⁷).

Микролокальные тексты, лежащие в основе узун-яйлинских групповых маркировок, формируют чувство групповой солидарности, защищенности перед лицом внешней угрозы, актуализируют характер и принципы структурирования местного сообщества, а также объективируют соответствующий этнонимикон и топонимикон. Собрание и изучение игровых фольклорно-речевых жанров представляется перспективным в свете задач описания локальных фольклорных традиций. Важным условием в данном случае является междисциплинарный комплексный подход – от момента фиксации до систематизации и анализа.

В глазах черкесов других регионов Турции Узун-Яйла отличается своими оригинальными смеховыми институтами и традицией общения в игровом стиле. Дерзкий, остроумный стиль оршер как одна из особенностей местного речевого поведения отчасти объяснимы более осязаемым социальным (этикетным) прессингом в традиционном узун-яйлинском сообществе. А. Дандес пишет по этому поводу: «Без сомнения, остроумие по своей природе – результат тревоги. Оно проявляется в агрессивных ситуациях (нередко – при соперничестве), которым естественно сопутствует тревога. Кроме того, остроумие снимает табу, наложенное на определенные темы»⁵⁸.

Игровой аспект функционирования групповых маркировок – условие преодоления социальной напряженности. «Как показал А. Рэдклифф-Браун,

---

⁵⁷ Дранникова, Н.В. Прозвищный фольклор: к вопросу о локальной идентичности жителей Русского Севера / Н.В. Дранникова // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. – М., 2006. – Т. 3. – С. 234-246.

⁵⁸ Дандес, А. Фольклор: семиотика и / или психоанализ: Сб. ст. / Сост. А.С. Архипова. – М.: Вост. лит. РАН, 2003. – С. 121.

обмен «словами-тумаками» (так называемые «отношения подшучивания») – не просто развлечение, но социальный институт, особенно эффективный в ситуациях, чреватых межличностными конфликтами. То же относится и к межгрупповым отношениям»⁵⁹. Однако с утратой языка (что мы наблюдаем в диаспорных сообществах) и традиционных видов контактной коммуникации (что больше характерно для метрополии) разрушаются и привычные способы поддержания межгруппового баланса, в том числе описываемые нами игровые институты и соответствующие им фольклорно-речевые жанры. Групповое взаимовышучивание, выпадая из свойственного культурного контекста, может иметь прямо противоположный эффект, и вместо сближения оно иногда способствует отчуждению. Таким образом, традиционность и игровой аспект функционирования групповых маркировок – необходимые условия для того, чтобы рассматривать их как средство преодоления (но не нагнетания) социальной напряженности.

В разделе 4.2 рассматривается профессионально-функциональная деятельность джегуако в узун-яйлинской фольклорной культуре. Институт джегуако являет собой один из важных феноменов черкесской (адыгской) этнокультуры. «Джегуако – народные профессиональные специалисты в области ряда искусств, которые в своей видовой совокупности: музыка, пляска, песня, стихотворения, акробатика, эквилибристика, вентрология и т.д., – изначально понимались как средство воздействия на природу <...>, на судьбу <...>. Выражаясь современным языком, это была магия – музыкальная, вербальная, знаковая, мимическая»⁶⁰. Представляя собой явление, типологически единое с древнегреческими аэдами, французскими жонглерами, немецкими шпильманами, скандинавскими скальдами, тюркскими акынами и т.п., институт джегуако может быть продуктивно рассмотрен в локальной оптике, что открывает перспективы нового взгляда на явления фольклорной культуры, как с точки зрения художественно-поэтического, жанрово-стилистического, фольклорно-языкового аспектов исследования, так и с точки зрения социальной функциональности, прагматики текстов. Объектом исследования в настоящем разделе являются художественно организованные тексты классического фольклора (песни, стихи, нарративы, сочиненные профессиональными народными поэтами и другими носителями традиции), а также мемораты, анекдоты, рефлексивы, «разовые» высказывания, характеризующие образ жизни носителей джегуаковских специальностей и функций, их общественный статус и социальную роль в истории изучаемого сообщества.

В разделе дается сравнительный анализ лексикона игровой культуры: в сопоставлении локальных терминов и их аналогов, бытующих в материнской традиции, выявляется ряд неизвестных ранее единиц и соответствующих им

---

⁵⁹ Козинцев, А.Г. Карнавализация и декарнавализация. Послесловие / А.Г. Козинцев // Смех: истоки и функции / под ред. А.Г. Козинцева. – СПб., 2002. – С. 217; Куббель, Л.Е. Подшучивание / Л.Е. Куббель // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура / ред. А.И. Першиц, Д. Трайде. – М.: Наука, 1986. – С. 146.

⁶⁰ Налоев, З.М. Институт джегуако / З.М. Налоев. – Нальчик: Тетраграф, 2011. – С. 13.

явлений фольклорной культуры. Далее тексты песен и экспромтов, сложенных народными поэтами, а также тексты о самих джегуако различных профессиональных разновидностей анализируются в жанрово-стилевом, коммуникативном контекстах.

В разделе рассматривается специфическое местное понимание термина «оршер» в гендерном аспекте, в контексте функционирования девичьих комнат. Девушка на выданье, получив статус *хьыг'эбз тлыса*, *хьыг'эбз тлысагъащлэ*, *хьыг'эбз щыс* (букв. севшая девушка, сидящая девушка), получала возможность принимать молодых людей в специально отведенном помещении – гостевой комнате или хачеше (у западных черкесов – *пшьэшъэ ун* ‘девичья комната’), при этом, как правило, присутствовал кто-либо из молодых родственников, соседей или подруг. Если девушка отличалась умом, даром красноречия, знанием хабзэ (этикета), навыками музицирования, она становилась известна (*хьыг'эбз цлэрылуэ* – популярная, букв. прославленная девушка). Полевой материал показывает, что подобные словесно-игровые поединки сами узуняйлинцы понимают как некую особую культурную форму. Пытаясь объяснить, что такое оршер, могут сказать, что этот обычай, «непонятный окружающим народам», является одним из отличительных признаков «адыгского говорения», свободного и открытого, но вместе с тем регламентированного этикетом (хабзэ) общения полов. «Узун-яйлинский оршер» как особый тип речевого поведения со своей интонацией, содержанием (тематикой) говорения, символическими акцентами, стилем, фольклорно-речевыми клише, связан с осознанным ощущением определенной речеповеденческой или так называемой речежанровой идентичности. По выражению К.Ф. Седова, «речежанровая идентичность – разновидность социальной идентичности, т.е. переживания и осознания своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям по признаку соответствия речевого поведения нормам, принятым в данном социуме»⁶¹.

Рассматриваемая разновидность оршер представляет собой ритуализованное игровое ухаживание, в котором роли, наряду с девушками, могут исполнять женатые мужчины среднего возраста (*ллыку*) и даже старики – старейшины (*тхьэмадэ*), служители культа (*хьуэжэ*, *хьэжы*). Умение вести словесные поединки, «вписанные» в общие поведенческие правила, считается одним из важных социальных навыков. Мастерство владения оршер, умение принять вызов и ответить на него «по хабзэ» часто демонстрировали известные узун-яйлинские девушки. Многие из них владели *хьуэрыбзэ* (хорыбзэ) – поэтическими иносказаниями, имеющими коммуникативную направленность, и *щлагьыбзэ* (шагыбзэ) – тайноречием.

Подобные сложноструктурированные формы коммуникации и фольклорно-речевые тексты, утрачиваемые в ходе стремительного процесса языковой ассимиляции в диаспоре, отнесены в сознании носителей традиции

---

⁶¹ Седов, К.Ф. Речежанровая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности / К.Ф. Седов // Жанры речи. – 2011. – № 7. – С. 32.

к ушедшему «золотому веку» Узун-Яйлы, ко времени, которое в меморатах обозначают терминологическим сочетанием *хьыг'эбз пшынауэ зэманым* (во времена девушек-гармонисток).

Устные нарративы, описывающие еще недавно функционировавшие или сохранившиеся по настоящее время обряды, представляют собой достаточно информативный источник для сравнительного сопоставления материалов локальной традиции и материнской культуры. В разделе 4.3 выявляется терминологическая парадигма текстов устного описания врачевального игрища – *чапц*, функционировавшего в метрополии и диаспоре до послевоенного времени (1950-е гг.), актуализируется связь вербального и акционального начала в ритуале чапц, а также связь с текстами нартского эпоса и мифологии. Как показало исследование, возвращение к истории чапца с привлечением новых полевых и исследовательских методик, в сравнительном сопоставлении текстов метрополии и диаспоры представляется перспективным с точки зрения задач изучения семиотики фольклорной культуры, поэтического языка словесных жанров, составления фольклорно-диалектных словарей.

В пятой главе «Языковой аспект исследования узун-яйлинского текста» выявлены основные особенности языка фольклора Узун-Яйлы, в том числе текстов традиционных жанров, варианты которых фиксируются в метрополии, и текстов местного (позднего) фольклора. Рассматриваются теоретические и практические методы структурирования словаря узун-яйлинского локального текста в качестве: а) одного из инструментов научно-схематического описания дистинктивных признаков местной устной традиции, установления форм стереотипизации и варьирования текста на лексическом уровне; б) способа систематизации эмпирического лексикографического материала для пополнения базы различного типа словарей (фольклорно-диалектных, этнодиалектных, словарей одного информанта, а также языковых нормативных словарей и др.).

Принципы и методы составления словаря локального текста, его структуру, и, в частности, перечень основных тематических разделов и единиц можно рассматривать в качестве одного из адекватных способов выявления специфики локальной культурной традиции. Высокая презентационная функциональность словарей локального текста в широком понимании подчеркивается в ряде отечественных исследований последних лет. Так, М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье и А. Сенькина в коллективной работе «Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции», предваряя собственно методологическую проблему составления словаря, обращают внимание на то, что терминологическое сочетание «локальный текст» связано с двумя традициями понимания: литературоведческой, восходящей к работам В.Н. Топорова о «петербургском тексте», и антропологической,

сформировавшейся сравнительно позже⁶². Этот же авторский коллектив предлагает следующие ключевые разделы словника (которые в перспективе могут дополняться и изменяться): 1. символы идентичности; 2. локусы и топонимы; 3. события; 4. лица; 5. сообщества и институты⁶³. «Именно словарная форма, предполагающая автономное толкование каждого элемента из некоего условного их множества, как нельзя лучше соответствует таким характеристикам локального текста, как неструктурированность, дискретность, подвижность, неопределенность границ»⁶⁴.

В контексте нашего исследования важным является также то, что само терминологическое сочетание «локальный текст» и соответствующие инструменты исследования оказались применительны не только к городской культуре, но и к традиционно-сельской⁶⁵. Принимая этот метод описания традиции, мы, вслед за исследователями, предложившими это терминологическое сочетание, понимаем «локальный текст» как систему «устойчивых предметных позиций, стереотипных суждений, объяснительных моделей, повествовательных мотивов и сюжетов, ментальных и речевых клише и т.п., которые имеют хождение в местной культурной традиции и посредством которых сообщество, ассоциирующее себя с данным местом, выстраивает образ этого места, характеризует его по временным, пространственным, социокультурным и аксиологическим параметрам»⁶⁶.

Отдельные разделы словника фольклорно-диалектного словаря исследуемой традиции идентичны тематическим разделам словаря локального текста: фольклоремы⁶⁷ и другая специальная лексика и фразеология (архаизмы, историзмы, этнографизмы); мифологический словарь Узун-Яйлы (имена мифологических персонажей; локусы – объекты ландшафта; лексика, связанная с магическими практиками и атрибутикой); обрядовый лексикон (терминология свадебного и других видов игрища;

---

⁶² Алексеевский, М. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) / М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье, А. Сенькина // Штетл, XXI век: Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – С. 179.

⁶³ Лурье, М.Л. О словарях локального текста / М.Л. Лурье // Материалы к «Словарю локального текста Могилева-Подольского» / М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье, А. Сенькина // Антропологический форум. – 2008. – № 8. – С. 421.

⁶⁴ Алексеевский, М. и др. Словарь локального текста... С.182.

⁶⁵ Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / Сост. М.Д. Алексеевский, В.А. Комарова, Е.А. Литвин, А.Б. Мороз, Н.В. Петров; под общей редакцией А.Б. Мороза. – М.: ОГИ, 2009. – 616 с.

⁶⁶ Алексеевский, М. и др. Словарь локального текста... С. 186.

⁶⁷ Термин «фольклорема», используемый исследователями по аналогии с терминами «мифологема», «культурема» и др., был предложен А.Г. Костиной, при этом под ним понимается «образная, символическая лексема, фразема, сегмент фольклорного текста или текст малого жанра фольклора, за которыми стоит традиционный смысл, обусловленный мифологическим мышлением создателя текста или спецификой идеализированной фольклорной действительности, и которые выполняют семантическую функцию носителей содержательных констант фольклорной картины мира» (Костина, А.Г. Фольклорные элементы в лексической структуре художественных текстов Валентина Распутина: к истокам российской ментальности: дисс ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Костина Александра Геннадьевна. – СПб., 2011. – С. 3).

игровая лексика и фразеология; похоронно-обрядовая лексика и фразеология; названия ритуальной атрибутики, в том числе обрядовой пищи); узун-йялинский ономастикон (топонимикон: названия селений и объектов ландшафта; микротопонимика; имена известных людей); соционормативная лексика в речевой практике узун-йялинцев (терминология социально-классовой стратификации; названия социальных институций); перечень важных событий (всеобщие решения, выносимые по тем или иным общественно значимым поводам); символы различных видов (уровней) идентичности (фольклорно-репертуарной, «речежанровой», этнокультурной, локально-культурной).

Исследование узун-йялинского текста в аспекте фольклорной (культурной) и языковой диалектности позволяет на материале отдельных корпусов и жанров, зафиксированных в диаспорном анклав, ответить на важный вопрос: происходит ли варьирование по типу так называемого «вибрирования», то есть как «чередование обратимых замен элементов с одинаковыми функциями» (терминология К.В. Чистова), или речь идет о перекодировании и глубоких ментальных сдвигах, обнаруживаемых в сопоставлении определенных культурно-языковых форм с материнской традицией.

Таким образом, фольклорный диалект мы описываем, с одной стороны, в сопоставлении с местной бытовой речью (идиомом), с другой – с лексико-фразеологическим фондом словаря литературного языка и материалами других локальных традиций в метрополии и диаспоре, а также в сопоставительном рассмотрении словарей идиолектов разных исполнителей. С этой точки зрения определение фольклорного диалекта, данное А.Т. Хроленко, согласно которому он «основывается на актуализации языковой единицы – ее выборе, включении в фольклорный текст, сочетании с другими единицами»⁶⁸, существенно конкретизирует практическую задачу. При подобном «выборе и включении» актуальными, по мнению названного исследователя, остаются такие дефиниции, как фольклорная картина мира, идиолект и мастерство исполнителя.

Словарь узун-йялинского текста, отдельные материалы которого представлены в диссертации, может быть более или менее активен в зависимости от:

а) внутренней географической локализации: разные кусты деревень изучаемого анклава могут иметь в фольклорной лексике и терминологии семантические и стилистические расхождения; репертуарная «наполненность» фольклора двух соседних селений может различаться, что связано обычно с сохранностью некоторых социальных институций, механизмами трансгенерационной передачи фольклорных знаний;

б) половозрастного и социально-классового статуса: активность или пассивность словаря, как фольклорно-диалектного, так и бытового, в

---

⁶⁸ Хроленко, А.Т. Введение в лингвофольклористику / А.Т. Хроленко. – М.: Флинта, Наука, 2010. – С. 99.

условиях диаспорного сообщества обусловлены возрастом носителя, его социальными (языковыми) компетенциями.

В разделе 5.2 диссертации рассматриваются фонетико-морфологические особенности узун-яйлинского фольклорного диалекта. Отмечается, что определение языковых (этнолингвистических) отличий местного идиома (бытового диалекта), является, безусловно, необходимым этапом в выявлении фольклорно-диалектных явлений и процессов и составлении словаря локального текста. Выявлены основные особенности фонетической системы, которые необходимо учитывать при исследовании узун-яйлинского локального текста (расшифровках, составлении фольклорно-диалектного словаря):

- а) незавершенность процесса аффрикатизации палатализованных заднеязычных смычных **гь, кь, кӀь**;
- б) наличие других палатализованных: **[хь]** вместо литературного **х**: *х'эку* (родина), *х'абзэ* (обычай); **[й]** вместо литературного **г**: *адыгагъэ, жый, бэйын* вместо *адыгагъэ, жыг, бэгын* ('адыгство', 'дерево', 'опухнуть');
- в) копула-суффикс **[-с]** вместо литературного **[-шь]**: *кӀуас, жиӀас* вместо лит. *кӀуаш, жиӀаш* ('пошел', 'сказал');
- г) ларингальный спирант **[h]** в показателе множественного числа: *кӀуажэһэр, благъэһэр* вместо лит. *кӀуажэхэр, благъэхэр* ('селения', 'родственники');
- д) употребление свистящих **з, с, сӀ** вместо шипящих спирантов **жь, щ, щӀ**, характерное для выходцев из некоторых населенных пунктов Узун-Яйлы (Жамботей, Хапашей, Каракуий и др.): *кӀезэжынӀэт* вместо лит. *кӀежэжынхэт* ('отправятся обратно'); *псэхъэсхъэ* вместо лит. *пщыхъэщхъэ* ('вечер'); *слэупсӀэн* вместо лит. *щӀлэупщӀэн* ('справиться', 'оказать внимание').

В разделе выявлены и проиллюстрированы также позиции гласных фонем, имеющие значение при определении принципов публикации фольклорных текстов Узун-Яйлы: выпадение гласного -ы- в аффиксе отрицания -мы- и отдельных префиксах, выпадение гласного -э- в корне слова и др.

Характер звучания устной речи как локальный маркер в узун-яйлинском случае подразумевает не только фонематические отличия, но также и особую интонацию речи. Наблюдение за интонационными нюансами узун-яйлинского идиома актуально в контексте задач разграничения фольклорной речи и речи спонтанной, и это может стать предметом отдельного исследования. В настоящей работе мы можем лишь отметить, что узун-яйлинская фольклорно-речевая интонация узнаваема, с одной стороны, в сравнении с речью жителей соседних черкесских анклавов, не имеющей особых отличий на фонематическом уровне, с другой стороны, она отличима от интонации спонтанной (бытовой) речи. Это особенно заметно на примере

старых (1970-е гг.) аудиозаписей фольклора (преданий, меморатов), образцов аудиовизуальной самозаписи носителей узун-яйлинской традиции, специальных аудиозаписей фольклора (анекдотов и историй) для масс-медиа.

Завершая краткое описание фонетических явлений, характерных для фольклорной и спонтанной речи узуняйлинцев, мы отмечаем, что, помимо упоминаемой исследователями очевидной необходимости передать «языковой колорит» фольклорного текста, адекватная передача на письме специфических звуков языка (диалекта) оригинала «позволяет читателю и исследователю составить четкое представление о степени достоверности публикации»⁶⁹. Методы отражения фонематических особенностей могут быть обусловлены как общими эдиционными проблемами, так и целевой ориентированностью, задачами конкретного издания.

В разделе 5.3 проблемы составления словаря фольклора Узун-Яйлы рассматриваются в лексико-фразеологическом аспекте. Лексический пласт, как известно, представляет собой наиболее динамично меняющуюся часть системы языка фольклора. Лексико-фразеологический материал в текстах исследуемой традиции при разных параметрах сопоставления полевого материала с материалом метрополии обнаруживает несхожую картину варьированности по разным корпусам текстов. Обращается внимание на уровень диалектности того или иного пласта лексико-фразеологического материала.

В контексте проблем составления фольклорно-диалектного словаря стоит отметить, что маркирование определенной единицы словаря как «фольклоремы», с одной стороны, актуализирует характер (уровни) диалектности исследуемого материала в лексикографическом аспекте, с другой – обращает внимание на сопутствующие на уровне контекста употребления лексемы или фраземы общеэтнические культурно-специфичные реалии, зачастую не поддающиеся переводу на другой язык. Фольклорема представляет собой наиболее лабильный в тематическом отношении блок специальной лексики и фразеологии: наряду с употреблением в классическом фольклорном тексте, она может быть актуализирована, например, в диалогах собирателя и информанта.

Лексико-фразеологическая единица в фольклорном тексте в своем основном значении может обозначать самые разные понятия – от устаревших бытовых предметов до уникальных этикетных и социально-психологических ситуаций, что иллюстрируется в диссертационном тексте на полевым материале. При этом отмечается, что фольклорему отличает вторичная семантизация в ее стереотипности, варьированности, локальности. Структура фольклоремы в исследуемых текстах обусловлена полисинтетизмом черкесского языка, это может быть однокомпонентная лексема (*хьэдэгъэгъэгъэ* – букв. обнадеживание мертвого, клятва над телом умершего) или сложное

---

⁶⁹ Алиева, А.И. Двухязычная академическая серия «Эпос народов СССР» / А.И. Алиева // Традиционная культура. – М., 2008. – № 3. – С. 49.

фразеологическое сочетание, фразема (*дохъутейр фыщӀын* – букв. трепать ружейный чехол, т.е. угрожать попусту, храбриться).

В разделе рассматриваются лексические блоки фольклорного текста, которые можно отнести к уровню этнокультурной диалектологии: лексика мифологического текста; обрядовая терминология; лексика и фразеология, связанная с социально-классовыми понятиями; фразеология, связанная с этикой и этикетом (*хабзэ*), лексика игрового ухаживания и др.

В разделе 5.4 рассматриваются формы словоупотребления лексики, заимствованной из тюркских, арабского, персидского языков, характерные как для нарративов и поэтических текстов классического фольклора, так и для спонтанной речи узуняйлинцев. Более ранние заимствования из этих же языков, вошедшие в черкесский язык до выселения с исторической родины, фиксируемые также в фольклорной речи и литературном языке метрополии, в узун-яйлинском идиоме могут быть отмечены вариативностью значений.

Корпус иноязычной лексики в фольклорном дискурсе Узун-Яйлы, рассматриваемый в синхронном срезе, в том числе фразеологизмы, образованные на основе лексических заимствований, представляет собой, с одной стороны, источник для исследований на стыке фольклора и языка, фольклорной текстологии, пластичности устного текста, с другой – является инструментом мониторинга языковых ассимиляционных процессов, характерных для отдельно взятого анклава в диаспоре.

В разделе 5.5 «Паремии в фольклорно-речевой практике узуняйлинцев: универсальное и локальное» паремиологический пласт узун-яйлинского текста рассматривается как ценный источник с точки зрения сопоставительного анализа. Исследование текстов пословиц и поговорок, зафиксированных в узун-яйлинском поле, актуально в плане сравнения с опубликованными в метрополии сводными сборниками пословиц и поговорок, собранных в разное время в разных местностях проживания черкесов. Высокая вариативность отмечается прежде всего на уровне контекста – объяснительных нарративов, которыми, как правило, сопровождаются многие диаспорные тексты, от любительских записей и самозаписей фольклора до материалов, собранных профессиональными фольклористами.

Композиционно закрытая тирадная форма декламации пословиц и поговорок имеет широкое распространение в черкесской (адыгской) этнической традиции в целом и известна под названием «Шъыпкъишъэ» или «Псальэ пэжищэ» (сто истин, сто правдивых слов). О формах функционирования «Ста истин» пишут в своих работах З.Ж. Кудаева⁷⁰, Р.Б. Унарокова⁷¹, М.И. Мижаев⁷², при этом исследователи пользуются

---

⁷⁰ Кудаева, З.Ж. Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры / З.Ж. Кудаева. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – С. 102; Кудаева, З.Ж. Адыгская паремия: учебное пособие / З.Ж. Кудаева. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2019. – С. 3.

⁷¹ Шъыпкъишъэхэр / Зэхэзгъ. Унэрэкъо Р.Б. [Сто истин. Составитель Р.Б. Унарокова] – Мыекъуапэ, 1999; Унэрэкъо Рай. Шъыпкъишъэм и шъыпкъэ занэхэр: ягъэпсык1, къагъэгъунэрэ 1офыгъохэр / Р. Унэрэкъу // «Псаль» 9 (12). – Мыекъуапэ, 2012. – Н. 46.

терминологическими сочетаниями *паремическая (паремиологическая) тирада, цепевидная композиция*. Отмечая традиционность тирадной формы декламации паремий в узун-яйлинском поле, мы выявляем и анализируем на полевом материале фольклорно-диалектные особенности бытования пословиц и поговорок.

Можно сказать, что паремиологический фонд узун-яйлинской фольклорной традиции испытал минимальное иноязычное влияние. Это касается в первую очередь текстов самих пословиц и поговорок, которые отмечены фольклорной клишированностью и представляют собой оригинальный пласт исконного лексико-фразеологического материала. В меньшей степени этот вывод относится к контекстным нарративам, разъясняющим значение паремиологических высказываний, сопроводительным преданиям и рефлексивам, которые различаются по типологии и традиционности.

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования.

Описание и изучение отдельно взятых локальных фольклорных традиций, как на Кавказе, так и в диаспоре – одна из актуальных проблем, стоящих перед современным адыговедением. Теоретическое обоснование выбора тех или иных параметров описания имеет в контексте заявленных исследовательских задач первостепенное значение. При всей сложности осуществления междисциплинарных комплексных исследований общие и частные явления и параметры, определяющие специфику локальной культурной традиции, достаточно убедительно могут быть представлены при фольклористическом, лингвофольклористическом, антропологическом подходах. В этом смысле опыт отечественной (восточнославянской) фольклористики в описании локальных фольклорных традиций представляется незаменимым.

Как показало исследование, проблема не ограничивается определением географических границ традиции и картографированием ее значимых элементов (сюжетов, мотивов, имен, топонимов, функций персонажей и т.д.). Важными оказались факторы идентичности, различных ее уровней и способов актуализации. Удержание в локальной памяти сюжетов изустной истории, имен ключевых персонажей – героев фольклора, рефлексирование на тему возможности сохранения, преобразования в современных условиях традиционных этнических ценностей (*адыгэбзэ* – черкесского языка, *адыгэ хабзэ* – морально-этического кодекса, связей с исторической родиной – *Хэкужь*) отличают региональную (анатолийскую, диаспорную) традицию в целом. Наряду с этими элементами для исследуемой анклавной традиции

---

⁷² Мыжей, М.И. Адыгэ псалъэжьхэр [Мыжаев М.И. Адыгские (черкесские) пословицы и поговорки] / М.И. Мыжаев // Пословицы и поговорки народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Ставропольское книжное издательство «Карачаево-Черкесское отделение», 1990. – С. 86-188.

(Узун-Яйла) оказались значимыми история заселения анклава и осознание носителями культуры особенностей социальной структуры своей общины, и, как следствие, – формирование специфических способов и каналов коммуникации.

Установка на металогичность текста (как вербального, так и акционального) во многом определяет его статус в фольклорной культуре диаспоры. Коммуникативное пространство диаспоры, в особенности дискурсивные практики, функционирующие на родном языке, сохраняют представление об отличительных чертах «адыгского стиля общения», таких, как опосредованность, аллегоричность, диалогичность. Это отчасти связано с общими социальными условиями – запретом со стороны государства на использование письменности и отсутствием официальных профессиональных учреждений культуры и искусства, и это же объясняет некоторую инклюзивность текста в исследуемой нами локальной традиции.

При определении дистинктивных признаков традиции, описании ее культурно-ландшафтных границ очевидным оказалось несовпадение границ «народной» географии с административными границами: географическая Узун-Яйла не «накладывается» на Узун-Яйлу фольклорную. Границы между «своим» и «чужим» пространством определяются границами распространения общего культурного знания (фольклорного репертуара, речевого поведения), такими социально-историческими понятиями, как «*жылэ*» (общество, население, объединенное одним информационным пространством) и «*жылэ унафэ*» (общественное решение). Несмотря на то, что в настоящее время население исследуемого анклава активно рассредотачивается в близлежащем Кайсери и других городах Турции, локальная идентичность и социальное взаимодействие продолжают соотноситься с указанными двумя важными понятиями. Таким образом, даже в условиях урбанизации структурируется и функционирует некое новое культурное пространство, рамками информационной досягаемости которого носители традиции очерчивают свою локальную идентичность.

Исследование закономерностей функционирования стереотипных устных текстов позволило выявить основные структурные элементы разных видов (уровней) идентичности носителя фольклорного диалекта: речевых, социально-гендерной, локальной, региональной, этнокультурной.

На материале отобранных и сведенных корпусов текстов выявлены жанровые виды классического фольклора Узун-Яйлы, сопоставлены с материнской культурой в плане структуры текста, контекста и функциональности. Так, удалось проанализировать мифологические представления в их сравнительном сопоставлении с материнской культурой, исследовать мифо-эпическую традицию как систему знаков, персонажей (их функций), локусов и пр., выявить коммуникативные ситуации, в которых происходит стереотипное воспроизведение текстов традиции; дать анализ социальных функций мифологических рассказов; показать значение

мифологических рассказов в освоении нового ландшафта, трансформации функций персонажей в контексте новых исторических условий.

В диссертации проанализирован институт черкесского гостиного дома в его локальных проявлениях, в результате чего сделано несколько выводов о его местной специфике: хачеш исторически и, отчасти, в современных условиях существует как пространство функционирования текстов классического фольклора (песен и преданий, «привезенных с родины»), поддержания исторической памяти, этнической и классовой идентичности, трансляции важных социальных компетенций; в узун-яйлинских устных рассказах хачеш выступает как сакральный локус и социальное пространство, место принятия всеобщих решений (*жылэ унафэ*), реализации социально-гендерного статуса личности. Гостиный дом, перемещаясь в пространство офисов *адыгэ хасэ* (черкесских общественных объединений), трансформируется и становится площадкой неформальной коммуникации, местом активизации общественно-бытового, политического дискурса и социальных практик, традиционного «сидения-говорения» (*уэршэр*) в его современных проявлениях.

Отдельно рассмотрены особенности функционирования игровых институтов и жанров смеховой поэзии в диаспорной культуре, описаны основные черты и стиль творчества народных поэтов-импровизаторов (джегуако). В результате исследования обнаружены явления традиционной джегуаковской культуры, которые, согласно существующим в фольклористическом адыгеведении наблюдениям, уже достаточно давно отсутствуют в культурной традиции черкесов метрополии. В частности, речь идет о социально-классовом аспекте функционирования фольклорных форм.

Рассмотрение в локальной оптике устных текстов, связанных с музыкально-хореографической культурой (нарративов описания танцевально-игрищных явлений, сюжетов и сценариев, присловий, актуализирующих социальные табу и предписания игрищного этикета), показало в числе их основных функций регулятивную и идентификационную. Полевой и аналитический опыт этих исследований нашел практическое применение на уровне сотрудничества с государственным академическим ансамблем танца Республики Адыгея «Нальмэс».

В процессе исследования выявлена и проанализирована этническая специфика межличностной и межгрупповой коммуникации в ходе полевой работы. При этом плодотворным оказался опыт самоисследования собирателя в его взаимодействии с информантом как носителем местного (диаспорного, узун-яйлинского) субварианта этнической культуры, так и на межличностном уровне в условиях включенного наблюдения.

Культура исследованного нами диаспорного анклава являет собой материал, на примере которого оказалось возможным теоретически и практически описать модель определения культурно-ландшафтных границ, основных дистинктивных признаков других локальных традиций,

апробировать методологию выявления структур локальной идентичности черкесов диаспоры и исторической территории.

Исследование доказало, что фольклор черкесской диаспоры, отличаясь наибольшей консервативностью, закрытостью, повышенной социальной функциональностью, представляет собой источник верификации ряда научных фактов и суждений, актуальных для современной адыговедческой науки.

Как показала полевая практика и теоретический анализ текстов узун-яйлинской традиции, диаспорный фольклор имеет сходную с материнской традицией типологическую схему и структуру, иерархию жанров, образов, функций персонажей, исторический топонимикон, обрядовые сценарии.

В ходе подготовки диссертации приобретен опыт публикации текстов локальной традиции: формы публикации должны быть ориентированы на локализованность, аутентичность, на текстологические и этические принципы, устоявшиеся в отечественной (русской и кавказоведческой) академической фольклористике. В специальных разделах и отдельных тезисах диссертации, актуализирующих языковой аспект функционирования фольклора, показана перспективность составления словаря узун-яйлинского текста в качестве одной из форм презентации традиции. Корпусы лексико-фразеологических и паремиологических единиц фольклорного диалекта Узун-Яйлы рассмотрены как материал, актуализирующий «фольклорно-речевую идентичность» узуняйлинцев.

Лексика и фразеология фольклорного дискурса Узун-Яйлы (шире – других анклавов диаспоры) представляет собой автономно развивавшийся языковой сегмент, который до недавнего времени подвергался минимальному влиянию литературной традиции метрополии. Это, с одной стороны, мобилизует внутренние ресурсы самого языка (что относится, прежде всего, к классическому фольклору). С другой стороны, вследствие многолетнего запрета на использование письменности и развития языка как инструмента коммуникации во всех сферах жизни, фольклорная и спонтанная (бытовая) речь диалектоносителя бессистемно наполняются иноязычными заимствованиями.

Общественно-бытовой дискурс диаспоры в его письменных формах тяготеет в качестве языка официальной речи к литературной норме, установленной в метрополии, – как на уровне лексики, так и стилистически, в то время как язык неофициальной письменной коммуникации, по форме и функциям равнозначной устной (язык интернет-общения), придерживается стандартов местного идиома.

Исследование во всех его основных тезисах (разделах) выявило важную отличительную черту сложившегося за период изолированного существования анклава местного фольклорного дискурса – повышенную в сравнении с текстами метрополии социальную функциональность. Прагматические функции стереотипных устных текстов диаспоры, помимо универсальных (социорегулятивной, когнитивной, адаптивной, рекреативной

и др.) обладают выраженной этноидентификационной функцией. Важно отметить, что наряду с текстами собственно узун-яйлинского локального фольклора, сложившегося за полуторавековой период, маркером традиции могут выступать тексты классического фольклора, «пришедшие» с исторической родины, сохраненные носителями фольклорного диалекта и преломленные в локальной оптике. Сама практика воспроизводства «общеадыгских» текстов – рассказывание исторических преданий, песнопение в традиционном стиле, говорение на тему известных в метрополии фольклорных сюжетов, выстраивание «правильных» обрядовых сценариев – может восприниматься как «узун-яйлинские обычаи». В этом смысле мы имеем видение и понимание Узун-Яйлы как некоего воображаемого центра (географического и ментального), хранящего и воспроизводящего символические смыслы этнической культуры. Это видение присуще как самим узуняйлинцам, так и жителям других черкесских анклавов Анатолии. Локальное преломление получают тексты, сюжеты и мотивы, связанные, например, с именами исторических героев Жабаги Казаноко, Магомета-Аше Хатокшоко, отдельный блок текстов фольклорно-речевых жанров (паремии, смеховые групповые маркировки и пр.).

Исследование показало, что в силу исторических причин в изучаемом анклаве сложились специфические внутриобщинные межклассовые отношения и, соответственно, фольклорный дискурс, связанный с особым местным пониманием, с одной стороны, сословного аристократизма, с другой – так называемого «нового благородства». Один из важных выводов диссертационной работы состоит в том, что скрытые фольклорно-речевые практики, относящиеся к классовой идентичности, обладают в диаспоре значительным аксиологическим потенциалом: идея благородства, связанного не с сословным происхождением, а с духовным (личностным, «демократическим», по терминологии Я.В. Чеснова) аристократизмом, осмысливается как инструмент противодействия процессам деантропологизации современного человека, что выводит ее (эту идею) из пространства традиционной этнической культуры и приближает к способам решениям глобальных проблем.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Паштова, М.М. Сословный аристократизм и «новое благородство» в локальном фольклорном дискурсе (на материалах черкесской диаспоры) / М.М. Паштова // Традиционная культура. № 1. – М., 2020. – С. 91–102.
2. Паштова, М.М. Представления о деньгах в локальной фольклорной традиции (черкесская диаспора Турции) / М.М. Паштова // Проблемы востоковедения. 2020, № 1 (87). – С. 71–76.

3. Паштова, М.М. Личность в локальной культурной традиции: стереотипные рассказы об известных людях в фольклоре черкесской диаспоры / М.М. Паштова // Известия СОИГСИ. 2020. Выпуск 35 (74). – С. 112–119.
4. Паштова, М.М. Тексты младшего эпоса в бесписьменной диаспорной традиции: черкесы Турции / М.М. Паштова // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». № 4 – Якутск, 2019. – С. 59–68.
5. Паштова, М.М. Стереотипные устные тексты об имущественных отношениях в локальной фольклорной традиции / М.М. Паштова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – 2019. – Вып. 4. – С. 137–143.
6. Паштова, М.М. Обряд и нартский эпос в контексте локальных традиций: лексика и прагматика / М.М. Паштова // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». № 3 – Якутск, 2019. – С. 45–51.
7. Паштова, М.М. К исследованию локальных явлений в мифологии черкесов Анатолии (на материале экспедиций 2014 и 2015 гг.) / М.М. Паштова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – Майкоп, 2016. – Вып. 4. – С. 213–218.
8. Паштова, М.М. Танец в локальной традиции черкесов Анатолии: идентификация жанра и социальные функции / М.М. Паштова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – Элиста, 2016. – № 1(23). – С. 114–120.
9. Паштова, М.М. Мифо-эпическая традиция в фольклоре черкесов Турции / Р.Б. Унарокова, М.М. Паштова, Э.Х. Хакунова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – 2016. – Вып. 4. – С. 219–225.
10. Паштова, М.М. Локальный фольклорный текст в свете собирательских и эдиционных проблем / М.М. Паштова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – Элиста, 2016. – 6 (28). – С. 94–101.
11. Паштова, М.М. К проблеме видеофиксации фольклора (на материале адыгских стереотипных медиатекстов) / М.М. Паштова (Мижаяева) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала, 2013. – № 48. – С. 92–96.
12. Паштова, М.М. К проблеме перевода адыгского фольклорного текста / М.М. Паштова, А.М. Гутов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – Майкоп, 2012. – Вып. 2. – С. 66–70.
13. Паштова, М.М. Перспективы изучения адыгского фольклора / М.М. Паштова, Р.Б. Унарокова // Вестник Адыгейского

государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – Майкоп, 2011. – Вып. 3. – С. 63–70.

14. Паштова, М.М. К проблеме описания локальных фольклорных традиций / М.М. Паштова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – Майкоп, 2011. – Вып. 2. – С. 29–35.

15. Паштова, М.М. Игровые институты в фольклорной культуре черкесов Турции: на материале экспедиции 2009 г. / М.М. Паштова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение» – Майкоп, 2010. – Вып. 1. – С. 50–55.

Монографии:

16. Паштова, М.М. Фольклор черкесской диаспоры: локальная традиция и ее носитель / М.М. Паштова. – Майкоп: изд. «ИП Паштов З.В.», 2020. – 338 с.

17. Паштова, М.М. Черкесская (адыгская) народная лирика. Традиционные необрядовые жанры. / М.М. Паштова. – Майкоп: изд. «ИП Паштов З.В.», 2009. – 262 с.

Словари и справочные издания:

18. Пацты, М. Адыгэ мифологием и энциклопедие = Энциклопедия черкесской мифологии. На черк. яз. / М.И. Мижаев, М.М. Паштова. – Майкоп: Паштов З.В., 2012. – 460 с.

19. Pashtova, M. Çerkes Mitolojisi Ansiklopedisi. Bilimsel Editör: prof. A.M. Gutov, gözden Geçirenler: prof. B.Kh. Bgazhnokov, prof. A.A. Tshipinov, dokt. Z.M. Naloev. Çerkesceden Çeviri: E. Boz. / Mihail Mijayev, Madina Pashtova. Ankara, Metropol Yayınları, 2018. – 264 s. = Паштова, М. Энциклопедия черкесской мифологии. На тур. яз. / М.Мижаев, М.Паштова. – Анкара: изд. «Metropol», 2018. – 264 с.

Сборники текстов:

20. Anadolu'da Çerkes Kültürü: Halkbilim Alan Araştırması Materyalleri. Ankara: Kafkas Araştırma Kültür ve Dayanışma Vakfı (KAFDAV), 2017. 150 s. = Культура черкесов Анатолии: материалы полевых исследований. Фонд кавказских культурных исследований и солидарности (KAFDAV). На черк. яз. / Составитель, автор предисловия и комментариев М.М. Паштова. Анкара, 2017. – 150 с.

Статьи и тезисы докладов на конференциях:

21. Паштова, М.М. К специфике традиционной внутриобщинной коммуникации: черкесы Турции / М.М. Паштова // *Journal of Caucasian Studies* = Кавказоведческие исследования. – Стамбул, 2019. – Т. 4. – Вып. 7–8. – С. 115–134.

22. Pashtova, M.M. Uzunyaila as a memory space: the local identity and Placelore // *Kafkasya Kökenlilerin “Hafıza Mekânları Çalıştayı”*. Izmir, 2018. S. 87-101. = Паштова М.М. Узун-Яйла как место памяти: локальная идентичность и Placelore // *Материалы семинара по местам памяти выходцев с Кавказа*. – Измир, 2018. С. 87-101

23. Паштова, М.М. Персонажи актуальной мифологии в фольклоре черкесов Анатолии: универсальное и локальное (по материалам экспедиций 2014 и 2015 гг.) / М.М. Паштова // *InUmbra: демонология как семиотическая система: альманах* / отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. – М.: Индрик, 2017. – Вып. 6. – С. 217-236.

24. Паштова, М.М. Диаспорное сообщество и медийное поле / М.М. Паштова // *Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы: сборник материалов XII Конгресса антропологов и этнологов России (г. Ижевск, 03–06 июля 2017 г.)*. – М.-Ижевск, 2017. – С. 194.

25. Паштова, М.М. Стереотипный устный текст: от записи до публикации (на материалах фольклора черкесов Анатолии) / М.М. Паштова // *Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации-5: материалы Международной научной конференции (г. Майкоп, 21–22 октября 2016 г.)*. – Майкоп, 2016. – С. 15–19.

26. Паштова, М.М. Сказительские навыки и социальный статус в черкесской диаспорной традиции / М.М. Паштова // «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования: материалы III Международной научной конференции (г. Элиста, 15–16 сентября 2016 г.). – Элиста, 2016. – С. 208–213.

27. Паштова М.М. Жанрово-стилевые и репертуарные приоритеты: черкесское диаспорное поле // *Адыгский фольклор: проблемы сохранения и исследования. Материалы Международной научной конференции памяти Ш.Х. Хута (Майкоп, 21-23 сентября 2016 г.)*. Майкоп: АРИГИ им. Т.М. Керашева, 2016.

28. Pashtova, M.M. Alan Antropolojisinin Sorunları ve Yöntemleri: Çerkes Diasporası / М.М. Pashtova // *Journal of Caucasian Studies* = Кавказоведческие исследования. – Стамбул, 2016. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 33–42.

29. Паштова, М.М. Мифологический нарратив в черкесской диаспоре: сохранность, семантико-прагматический аспект / М.М.

Паштова // *Journal of Caucasian Studies* = Кавказоведческие исследования. – Стамбул, 2015. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 169–194.

30. Паштова, М.М. Традиционные метакоммуникативные навыки как этнический маркер (на материале черкесской диаспоры) / М.М. Паштова // *Контакты и взаимодействие культур: тезисы материалов XI Конгресса антропологов и этнологов России* (г. Екатеринбург, 02–05 июля 2015 г.). – М., 2015. – С. 298.

31. Паштова М.М. Любительские записи фольклора в диаспоре: проблемы и методы визуальной антропологии // *Вестник АРИГИ № 7* (31). Майкоп, 2015. – С. 198–200.

32. Паштова, М.М. Проблемы и методы полевой фольклористики и антропологии: диаспорное поле / М.М. Паштова // *Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX в.: направления и динамика интеграционных процессов: сборник научных статей по материалам региональной научной интернет-конференции* (г. Нальчик, 19–30 октября 2015 г.). – Нальчик, 2015. – С. 198–207.

33. Pashtova, M.M. Folklorun Klasik Şekilleri ve Çerkes Diasporasında Çağdaş Sosyokültürel Söyleminde Kafkasya Savaşı / M.M. Paştova // *Yeni Türkiye*. – Ankara, 2015. – Sayı 74. – S. 504–510.

34. Pashova, M.M. Çerkes (Adige) Halk Kültürü: Durum Tespiti ve Öğrenme Perspektifi / R.B. Unarokova, M.M. Pashova // *Yeni Türkiye*. – Ankara, 2015. – Sayı 79. – S. 659–665.

35. Pashtova, M.M. Çerkes Konukevi: Evrensel ve Yerel Kültürel – Tarihsel Formların Araştırma Tecrübesi / M.M. Pashova // *Yeni Türkiye*. – Ankara, 2015. – Sayı 79. – S. 666–677.

36. Паштова, М.М. Черкесский гостиный дом: опыт исследования универсальных и локальных культурно-исторических форм / М.М. Паштова // *Вестник Института гуманитарных исследований правительства КБР И КБНЦ РАН*. – 2014. – № 4(23). – С. 26–41.

37. Пашты, М. Пасэрей адыгэ тхьэльэIум и дауэдапшэ нэщэнхэр / Мыжей Михаил, Пашты Мадинэ // *Псаль*. – 2015. – № 11(14)–12(15). – Н. 141–153.

38. Паштова, М.М. Вызывание дождя в локальных фольклорных традициях черкесов / М.М. Паштова // *Фольклор народов России: тезисы Всероссийской научно-методической конференции* (г. Санкт-Петербург, 27–31 октября 2014). – СПб, 2014. – С. 7–8.

39. Паштова, М.М. Жабаги Казаноко в фольклорной культуре черкесов (адыгов) Турции (на материале экспедиций 2009 и 2011 гг.) // *Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*. – 2014. – № 1(21). – С. 66–75.

40. Паштова, М.М. Кавказская война в «классических» формах фольклора и современном социокультурном дискурсе черкесской

диаспоры / М.М. Паштова // Кавказская война: события, факты, уроки: материалы Международной научной конференции (г. Нальчик, 15–19 октября 2014 г.). – Нальчик, 2014. – С. 155–165.

41. М.М. Paştova. Bir Uzunyayla «Öyküsü» Diaspora Hakkında Bir Halkbilim Araştırması / М.М. Paştova // Geçmişten geleceğe Çerkesler kültür, kimlik ve siyaset. – Ankara, 2014. – S. 285–291. = Фольклорные исследования в диаспоре: на материале Узун-Яйлы (на черк. яз.) – Анкара, 2014. – С. 285–291.

42. Пацты, М.М. Адыгская Хаса (на черк. яз., по материалам «Энциклопедии черкесской мифологии») / М. Мыжей, М. Пацты // «Nart», № 88–89. Ankara, 2014 г. ISBN 1302-2539. – С. 134-135.

43. Паштова, М.М. Собиратель и информант в диаспорном поле: культурно и исторически обусловленные аспекты общения / М.М. Паштова // Фольклор в поле и кабинете: знание информанта и интерпретация антрополога: тезисы и материалы Международной школы-конференции (г. Москва, Переславль-Залесский, 30 апреля–7 мая 2014 г.). М., 2014. – С. 19–21.

44. Паштова, М.М. Указатель к «Энциклопедии черкесской мифологии» / М.М. Паштова // Эпос единения и дружбы: материалы Международной научной конференции «Сказания о нартах – эпос единения и дружбы» (г. Нальчик, 21-24 ноября 2012). – Нальчик, 2013. – Ч. 1. – С. 108–118.

45. Паштова, М.М. Женщина в локальной культурной традиции: гендерный аспект фольклорной нарратологии / М.М. Паштова // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: материалы Шестой Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (г. Нальчик, 03–06 октября 2013 года). – М.-Нальчик, 2013. – Т. 1. – С. 276–278.

46. Паштова, М.М. «Страшное» в черкесских мифологических текстах: вербальное и визуальное в образостроении / М.М. Паштова // Эволюция эпической традиции. К 80-летию академика АН Абхазии Ш.Х. Салакая. – Сухум, 2014. – С. 304–313; *этот же материал с незначительными изменениями*: – [Электронный ресурс]. – Сайт ЦТСФ РГГУ «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» // – URL <http://www.ruthenia.ru/folklore/pashtova1.htm> (дата обращения 03.12.2016)

47. Паштова, М.М. Презентация внешнего облика «страшного» в черкесской мифологии / М.М. Паштова // Визуальное и вербальное в народной культуре: тезисы и материалы Международной школы-конференции (г. Москва, Переславль-Залесский, 25 апреля–5 мая 2013 г.). – М., 2013. – С. 221–224.

48. Паштова М.М. К мифологизации пространства гостиного дома в черкесской культурной традиции (на материале локальных устных нарративов) // Священные места абхазов и адыгов: традиции и

современность. Материалы Круглого стола. Майкоп, АРИГИ, 20 сентября 2013 г. / Ред.-сост. А.Н. Соколова. – Майкоп: изд-во «Магарин О.Г.», 2013. – С. 47 – 59.

49. Паштова, М.М. К проблеме видеофиксации фольклора: на материале адыгских стереотипных медиатекстов / М.М. Паштова // Визуальная антропология: российское поле: материалы конференции в рамках VI Московского Международного фестиваля визуальной антропологии «Камера-посредник» (г. Москва, 08–12 октября 2012 г.). – М., 2012. – С. 139–150.

50. Паштова, М.М. Текст обряда чапш: мифология, прагматика, этнокультурные диалекты / М.М. Паштова // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации: генезис и развитие: материалы Международной научной конференции (г. Майкоп, 27–29 сентября 2012 г.). – Майкоп, 2012. – С. 219–223.

51. Паштова, М.М. Состояние и перспективы изучения адыгского фольклора / Р.Б. Унарокова, М.М. Паштова // Социально-гуманитарные и экологические проблемы развития современной Адыгеи: сборник научных статей. – Ростов н/Д., 2012. – С. 222–231.

52. Паштова, М.М. Фольклор в черкесской диаспоре Турции: функциональные и регионально-локальные особенности / М.М. Паштова // Фольклористика и культурная антропология сегодня: тезисы и материалы XII Международной школы-конференции (г. Москва, Переславль-Залесский, 27 апреля–02 мая 2012 г.). – М., 2012. – С. 418–425.

53. Пацты, М. Узун-Яйлэ адыгэхэм я Гуэрыгуатэ диалектыр къэтхыхьыным ехьылгауэ / Пацты Мадинэ // Псалъ. – Майкоп, 2011. – № 8(11). – Н. 139–148. = Материалы к описанию фольклорного диалекта черкесов Узун-Яйлы (экспедиции 2009, 2011 гг. и интернет). (на черк. яз.)

54. Паштова М.М. Субэтнонимический текст-маркировка в адыгской фольклорной культуре // Вестник науки / Шэныгъэгъуаз. Выпуск 1 (25). Майкоп: АРИГИ, 2011. – С. 162 – 175.

55. Пацты, М. Зэманыр ГуэхукIэ зыгъэнщIа щIэныгъэлI (ЦыпIынэ Аслъэн и фэеплгу) / Пацты Мадинэ // Псалъ. – 2011. – № 8(11). – Н. 100–106. = Памяти фольклориста Аслана Ципинова. (на черк. яз.)

56. Пацты, М. Анэдолэ адыгэхэр: зы хэгъэгу и Гуэрыгуатэмрэ ар зезыхьэмрэ / Пацты Мадинэ // Псалъ. – 2016. – № 13(16). – Н. 125–134. = Фольклор черкесов Анатолии: локальная традиция и ее носитель. (на черк. яз.)

57. Паштова, М.М. Институт джегуако в фольклорной культуре адыгов (черкесов) Турции / М.М. Паштова // Истоки национальной литературы (Бекмурза Пачев и авторское устное творчество): сборник статей. – Нальчик, 2011. – С. 131–148.

58. Паштова, М.М. К проблеме описания локальных фольклорных традиций: черкесы Узун-Яйлы (Турция) / М.М. Паштова // Вопросы кавказской филологии. – Нальчик, 2011. – Вып. 8. – С. 113–123.

Учебники и учебно-методические пособия

59. Пащты, М. Адыгэ ЮрыЮтэшЭныгъ: бакалаврэхэм, магистрэхэм ыкӀи аспирантхэм апай = Адыгская фольклористика: для бакалавров, магистров и аспирантов: учебно-методическое пособие / Р.Б. Унарокова, М.М. Паштова. – Майкоп: Паштов З.В., 2018. – 108 с.